

An impressionistic painting of a village scene. In the foreground, a dirt path leads from the bottom center towards the middle ground. To the left of the path is a fenced-in garden area with various plants. In the middle ground, there are several buildings, including a prominent windmill on the left. The background shows more buildings and trees under a pale, overcast sky. The overall style is characterized by visible brushstrokes and a muted color palette dominated by blues, greys, and earthy tones.

НИКОЛАЙ СЕМЧЕНКО

**ШОТЛАНДСКАЯ
ЛЮБОВЬ ПО-
ФРАНЦУЗСКИ**

Николай Васильевич Семченко
Шотландская любовь
по-французски

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11314026

ISBN 978-5-4474-1794-9

Аннотация

Сборник повестей и рассказов о любви и её отсутствии. Автор порой довольно откровенен, его проза может показаться даже жесткой. Большинство текстов, вошедших в сборник, были опубликованы в литературных журналах. В настоящем издании они даются в новой редакции.

Содержание

Любовь. Настоящее. И не очень	5
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Шотландская любовь по-французски Николай Семченко

© Николай Семченко, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Любовь. Настоящее. И не очень

А может, мне и вправду следует это сделать: встать лицом на восток или на север, как сказала Марго: это без разницы – на восток или на север, главное: медленно и глубоко вдохнуть («В живот вдохнуть, – уточнила Марго. – Выдохнуть три раза», и я удивился: «Как это – в живот?»), а Марго нахмурила брови и махнула рукой: «Не ёрничай! Ты прекрасно знаешь, что мужики дышат животом. Глубоко-преглубоко вдохни...»), потом – встряхнуть несколько раз руками, сбрасывая негативную энергию («А откуда я знаю, энергия – негативная или позитивная, потому что нередко получается: то, что считаем плохим, оказывается хорошим...»), и Марго снова рассердилась: «Не философствуй! Отключи свою дурацкую «черепушку», ни о чём не думай – плохая энергия выльется из тебя сама», – и я бы в ответ на эту её ремарку расхохотался, если бы у меня не было так паршиво на душе, а Марго всё-таки искренне старалась мне помочь – и я больше не стал обижать её своими подковырками).

После всех этих манипуляций нужно мысленно произнести: «Высоко-высоко надо мною льется спиралью мягкий Свет. Спираль Света спускается к Короне головы, и через Корону Свет проникает мягко и нежно, и медленно наполняет все клетки моего тела. Голову, шею, плечи, руки, грудную клетку, спину, живот, ягодицы, ноги („Интересно, если он

проникает в ягодицы, то, значит, и в прямую кишку тоже, и ещё кое-куда... светящаяся задница – это интересно, но ещё интереснее святящийся член... Ну, почему мне надо всё опошлить? Что за человек я такой!"). Свет не прекращает литься сверху в моё тело, и через ступни ног спускается к центру Земли, оттуда возвращается ко мне, выходит слева от меня и окружает моё тело Овалом Света. Свет передо мной, Свет позади меня, Свет справа от меня, Свет слева от меня. Я заполнен Светом и окружен Светом».

Хоть убейте меня, не могу вообразить этот Свет и спираль из него. У меня нет воображения. Вернее, оно есть, но такие глупости не могу представить. Мне становится смешно. «Отнесись к этому серьёзно, – советует Марго. – Тебе нужно расслабиться и впустить в себя Свет, много-много Света, и тогда он откроет тебе глаза. А пока ты – слепой...»

Марго увлеклась какими-то восточными эзотерическими учениями, и ходит на медитации в клуб «Лотос» – вместо того, чтобы прыгать на дискотеках, бегать по салонам красоты, строить глазки парням. Она утверждает, что её посещает просветление и открывается смысл жизни. Правда, в чём он заключается, Марго не сообщает. Эти медитации для неё – всё равно что наркотик. Но я об этом ей уже не говорю, потому что не хочу, чтобы она сострадательно смотрела на меня и вздыхала: «Ты ничего не понимаешь...»

Я в самом деле ничего не понимаю. Ну, зачем мне вообра-

жаемый Свет? И зачем во время этой медитации я должен произнести слово «Любовь» и мысленно написать его перед собой буква за буквой: «Л-Ю-Б-О-В-Ь»? А дальше – вообще какая-то мистика... Надо сказать: «Справа от меня Михаил, слева от меня – Гавриил, передо мной – Уриил, позади меня – Рафаил, а надо мной – Божественная Шхина». И тогда я пойму, что такое любовь. Так утверждает Марго.

Ещё она говорит, что Шхина произносится с ударением на последнем слоге, и вообще – это женский аспект Бога, мало кто об этом знает, но именно Шхина открывает человеку смысл любви.

Шхина надо мной не витает. Она где-то очень-очень далеко от меня. Наверное, ещё и поэтому я не понимаю, что такое любовь. Произношу это слово – и ничего, пустая серая «картинка» или какие-нибудь глупости вроде двух целующихся голубков, ангелочек с луком в пухлых ручках, переплетённые тела в постели, парочка на берегу моря, но всё это – эскизом, штрихом, размытой акварелью, нечётко и невнятно, как лёгкий весенний дождик, внезапно сорвавшийся с безоблачных небес. Кстати, интересно: откуда он берётся, этот дождик? Чистый, ясный небосвод, ярко светит солнце, беззаботно чирикают воробьи, и вдруг откуда-то набегаёт одно-единственное облачко, совсем крохотное, и брызгает дождик – как лёгкий смех, как внезапная улыбка, как случайный взгляд. Может, это похоже на любовь?

Когда говорю «нож» или, допустим, «чашка» – представляю эти предметы, но когда говорю «любовь» – не знаю, что представить. А ещё совсем недавно знал. Или мне только казалось, что знал.

1.

Сергей не ожидал, что эта девушка сядет к нему за столик. Он всего лишь восхищённо подумал: «О, какая! Наверное, модель. Она, даже если сильно хочет пить, навряд ли закажет сок тут, под „зонтиками“. Такие девушки в уличных кафе не сидят...»

Однако она взяла розетку с клубничным мороженым и маленькую бутылочку кока-колы. Оглядевшись в поисках свободного места, девушка наткнулась взглядом на глаза Сергея – прямо, в зрачки, и, почему-то смутившись, опустила ресницы, но тут же снова взглянула на него и легко улыбнулась:

– Извините, можно тут присесть?

Озадаченный её внезапным смущением, он решил, что выглядит, наверное, очень глупо: уставился на её ноги, и даже взгляда не успел отвести, смотрит и смотрит, как идиот, которому впервые попал в руки «Плейбой». Ну, и что она может о нём подумать?

– Да. Конечно, – ответил он и почувствовал, как краснеют кончики его ушей. Это с ним происходило, когда он испытывал внезапное смущение.

– Спасибо...

Девушка, придирчиво оглядев сиденье пластикового стула, опустила на него и достала из сумочки зеленый томик. «Уолт Уитмен, «Листья травы», – прочитал Сергей название книги. Такая, кажется, была и у его отца, только другая – толстая, в суперобложке, с красивыми рисунками. Сергей вспомнил, как однажды предположил, что это книга о растениях, и, желая поразить биологичку дополнительными знаниями, снял «Листья травы» с полки. Оказалось – стихи, да ещё какие-то странные, ни на что прежде читанное, даже на «лесенки» Маяковского, не похожие. Ему было неинтересно вникать в текст – и он поставил книгу обратно на полку. И никогда о ней не вспоминал.

Соседка по столику, не обращая на него никакого внимания, сосредоточенно листала зеленый томик. Кажется, чтение захватило её полностью: она удивленно приподнимала брови, хмурилась, улыбалась, губы беззвучно повторяли какие-то особо понравившиеся строки. Мимо их столика прошел высокий белокурый парень и, заглядевшись на девушку, натолкнулся на тётку неопределённых лет, напоминающую сундук, поставленный на попа.

– Ну-ну! – гаркнула толстушка. – Полегче на поворотах!

Белокурый отпрянул от неё как от гремучей змеи. Сидящие в летнем кафе с интересом наблюдали, как тётя-сундук с достоинством прошествовала к самому дальнему столику и, отдуваясь, плюхнулась на стул.

Девушка, казалось, не заметила ни высокого блондина, ни тетки, и вообще она была где-то далеко-далеко, в мире высоких трав, пахучих цветов, старых яблонь, чьи ветви гнулись к земле от плодов, и над всем этим – синее бездонное небо, и легкие белые облака, и стайка птиц, и теплый ветерок, обдувающий пыльцу с ипомей и календул.

Сергею очень хотелось заговорить с ней, но девушка не выказывала ни малейшего желания хоть как-то обратить его внимание на себя. Ухватив прядь своих тёмно-каштановых волос, она задумчиво накручивала их на палец и, видимо, подчиняясь ритму читаемых строк, загорелой ладонью другой руки легонько постукивала по столешнице. Нервные, быстрые пальцы с бледно-розовым маникюром на аккуратно остриженных ногтях выдавали в ней музыкальную натуру: навряд ли можно играть на пианино или на гитаре, если у тебя длинные ногти – впрочем, и для компьютерной клавиатуры они также не подходят. А может, девушка работает в больнице, ну, скажем, медсестрой? У многих медичек тоже коротко остриженные ногти.

Запястье правой руки девушки обхватывал серебряный браслет, сплетенный, казалось, из паутины; ажурный, тускло поблескивающий на солнце, он при малейшем движении тихонько позвякивал подвешенным к нему колокольчиком.

«Оригинально, – подумал Сергей. – Колокольчики, по поверьям японцев, отгоняют злых духов. Или это не японцы, а какие-то другие азиаты считают так? У японцев, кажется,

есть обычай: отгонять нечисть боем барабанов. Или всё-таки – колокольчиками? Чёрт! Наверняка не знаю. А так бы хорошо сейчас сказать ей что-нибудь умное про восточные традиции и всякое такое. Но лучше я помолчу, а то тренькну что-нибудь невпопад...»

Но больше, чем руки, его привлекало лицо девушки – живое, подвижное, покрытое ровным загаром. Прямо хоть на обложку модного журнала снимай!

Когда она подносила бутылочку с кока-колой к губам, то приподнимала подбородок, и он видел, как на её шее сквозь загар проступает голубая жилка. Девушка почему-то закрывала глаза, отпивая напиток, и Сергею казалось: на её веках сидит по бабочке – трепетные, они подрагивают фантастическими крылышками: таких густых и длинных ресниц не было ни у одной его знакомой. Нечто подобное он видел на фотографиях в журналах мод, которые валялись в комнате у Кати.

Вспомнив о Кате, он невольно нахмурился. И как-то так получилось, что в этот момент девушка оторвалась от зеленого томика и взглянула на него. Глаза у неё были чайного цвета с лёгкой зеленью вокруг темных, глубоких зрачков.

Сергей, смутившись, отвел взгляд и нарочито небрежно достал из пачки «Парламента» сигарету, щелкнул зажигалкой и, прикуривая, скосил глаза на девушку: она уже смотрела не на него, а в книгу.

В отличие от многих своих приятелей, Сергей не умел

знакомиться на улице, в кафе, автобусах и других местах, где, казалось бы, сама обстановка располагает к общению. Ну, чего, казалось бы, может быть проще знакомства в трамвае? Увидел мордашку посимпатичнее, протиснулся к ней и спросил какую-нибудь чепуху, вроде этой: «Вы не скажете, такая-то остановка когда?» Выслушав ответ, можно продолжить: «А вы тот район знаете? Там вроде как должен быть такой-то магазин ... А что там ещё есть? О! Как вы хорошо знаете этот район! Случайно, не там живете?» Вот и завязалась беседа, а там, глядишь, девица позволит проводить себя до дома, телефончик оставит... Именно по такой нехитрой схеме знакомился с девицами Михаил – лучший друг Сергея, за что и был прозван Трамвайщиком.

«Ну, чего ты тушуешься? – смеялся Трамвайщик. – Думаешь, им не хочется с парнями знакомиться? Они тоже не знают, с чего начать. И если девчонка охотно продолжает начатый тобою разговор – значит, не прочь продолжить знакомство. А кто она такая, чем занимается, что любит или не любит – это ты потом узнаешь. Что, так неинтересно? А ты хочешь, чтоб она тебе сразу свою биографию рассказала и подала заполненную анкету: типа, люблю кофе капучино, отдыхаю в Приморье, хотя предпочитаю Канары, обожаю Тома Круза, но в мужа хотела бы обычного парня... Зачем тебе всё это знать, если ты хочешь просто перепихнуться? Ой-ой-ой! Какие мы романтичные, куда бы деться! Да брось ты эти свои прибаамбахи насчёт любви и всякой романтики! Неуже-

ли Катька эту дурь так и не выбила из твоей дурацкой башки?»

Но думать о Кате ему сейчас совершенно не хотелось. Но и не думать о ней он не мог. Это были даже не мысли, а что-то такое особенное, похожее, скорее, на ощущения. Вот, скажем, случайно налипла на лицо паутинка, и ты машинально смахнул её, но кожа запомнила чувство чего-то липкого, теплого, шершавого – и ты время от времени проводишь ладонью по тому месту, на котором были тенета. А ещё случается так: говоришь с женщиной, смеёшься, пьёшь с ней, допустим, чай, а когда она уходит, начинаешь мыть посуду и вдруг видишь на краешке чашки след губной помады – он неожиданно напоминает о той, которая теперь где-то там, ах, в Где-То-Таме, но в то же время как бы и с тобой: слабый розовый отпечаток вызывает в памяти её лицо, улыбку, движения.

Сергей никогда бы не признался даже своему лучшему другу Трамвайщику, что порой бывает по-старомодному сентиментальным. Впрочем, он чувствовал, что и Мишка тоже лишь строил из себя крутого парня, для которого женщины мало что значат: их много, а он – один. Трамвайщик даже и внимания не обращал на своих однокурсниц – этих вечно оживленных, подвижных, лукавых девчонок, некоторые из которых даже были бы образчиками красоты, если бы они не умели замысловато материться и не пахли дешевыми сигаретами и одуряющими, до рези в глазах, дезодорантами. Прав-

да, с парой-тройкой одноклассников он всё-таки переспал, уж как-то так само собой получилось, да и куда деваться, если юные леди, не ведая стыда, вешаются на шею и, не смущаясь, расстегивают парню ширинку. Но поскольку секса у Михаила хватало и без них, отношения дальше постели не продвинулись, и девчонки, желавшие найти себе выгодную партию для брака, от него отстали.

Мальчик из обеспеченной семьи, он мечтал о чём-то особенном, и сам не знал, как это назвать – может быть, о любви неземной и чувствах вечных. Если бы он читал Чехова, Мопассана, Булгакова, аббата Прево, то, возможно, четче бы осознал свои стремления, но Миша, увы, художественную прозу не читал – он читал справочники по компьютерам, физике и химии, мужские журналы и газету «Молодая правда». Сергей, кстати, терпеть её не мог.

Ему почему-то казалось, что в ней собрались дамы и господа, которым уже за пятьдесят, но они по-прежнему считают себя молодыми, и почему-то думают, что нынешним юным интересно читать лишь о том, что ниже пояса. Потому они даже тогда, когда пишут, допустим, об отношениях двух заводов, непременно вынесут в заголовок что-нибудь, напоминающее о сексе – вульгарное, нарочитое, на грани фола. А ещё, похоже, там решили, что обыватель и дня не может прожить без Аллы Пугачёвой, Филиппа Киркорова, Бориса Моисеева, «Фабрики звёзд» и всякой попснни: чуть ли не в каждом номере заметки о них, и, кажется, отслеживается

даже их самый тихий пук. Зато на тех, кто творит стоящую музыку, пишет настоящие книги, ставит классные спектакли – ноль внимания, ни гу-гу, нет их, а если есть, то пусть падутся на зеленой травке, такие умные, интеллигентные, всё о высоком думающие, хотя по-настоящему высокое, и это даже малолетки знают, – это то, о чём поручик Ржевский в своих анекдотах рассказывает. А вы, мол, интеллектуалы педерастичные, заткнитесь со своим стремлением к вечно прекрасному, и оставьте все эти нравственные ценности, о которых так шумите, при себе – пусть хоть что-то и у вас будет, если нет ни денег, ни машины, ни своего кусочка «Челси» или яхты за девяносто миллионов рублей, по палубе которой разгуливают обнаженные сирены и русалки, и голос свой не возвышайте – хватит пугать народ обнищанием души, никто и не знает, что это такое – может, всего лишь какая-то бесполезная хренотень, атавизм, что-то вроде аппендикса, который организму не нужен, но, падла, иногда саднит. А зачем же лишний раз тревожить то, что может заболеть?

Наверное, журналисты считают, что нормальному среднестатистическому читателю все высокие материи – до лампочки, ему подавай слухи, скандалы, разборки, криминал, легкую и крутую эротику, короче – опускай подписчика как можно ниже, играй на его инстинктах, учитывай желание подглядеть в замочную скважину, и развлекай по-тяжелому.

«А я ведь до сих пор не знаю, что подумала Катька, когда увидела меня, – подумал Сергей. – Она посмотрела меня

и почему-то закрыла глаза. А я посмотрел и сказал: „Вау!“ Сам себе сказал. Глупое словцо „вау!“, но и подумал-то я при этом дурацкое: ноги – от плеч, попа аккуратненькая, блондиночка, ох, хорошо бы с такой тёлкой завалиться на диванчик. Вот что я подумал. А лица как бы не увидел. Не увидел я её лица. Даже странно: за какие-то считанные секунды взгляд просканировал её фигуру, послал „отчёт“ мозгу, а тот выдал решение: „Годится!“ А лицо... С него, как говорится, воду не пить. Потом я всё-таки его увидел: симпатичное, глаза – яркие, карие, с чуть зеленоватым отливом – когда Катя злилась, они становились совсем зелеными, как у кошки, и я пугался этого. Но почему же, почему она закрыла глаза?»

В тот день он тоже бесцельно бродил по городу. На мокром асфальте валялись ярко-желтые листья амурского бархата, березы щедро сыпали золотые монетки, коренастые вязаы тоже кланялись ветру, но листва с них почему-то почти не осыпалась. Высокие серые облака равномерно обложили всё небо, накрапывал нудный мелкий дождь, и порывы ветра надували водяную пыль под широкий зонт Сергея. Он уже хотел идти домой, как увидел Катю. Девушка держала над собой прозрачный зонт и, казалось, её мало волновали и дождь, и этот нахальный ветер, лепивший на одежду золото берёз, и даже лужи, которые она не обходила – шлёпала прямо по ним.

Их взгляды встретились, и Катя вдруг остановилась и, закрыв глаза, похлопала себя по карманам ветровки, достала

пачку сигарет, снова похлопала по карманам: на этот раз искала зажигалку. Зажигалки не отыскалось. И тогда она спросила:

– Молодой человек, у вас не найдётся спичек?

Он с готовностью поднес зажигалку к её сигарете, щелкнул и – о, ужас! – пламя оказалось настолько сильным, что чуть не опалило её ресницы.

– Господи, – отпрянула она и рассмеялась. – Какой же вы горячий! Аж обжигаете...

И он тоже рассмеялся, и повиноватился, и закурил свой «Кэмел», и отчего-то подумал, что целовать курящую девушку – всё равно что целовать пепельницу, но тут же отмахнул эту мысль, потому что сам курил и, значит, целовать его – это тоже вроде как пепельницу ласкать губами. А пепельница пепельницу наверняка всегда поймёт, лишь бы не махоркой или «Беломорканалом» от них несло.

Вот так они и познакомились. А насчёт закрытых глаз он потом её спрашивал, но Катя каждый раз твердила одно и то же:

– А я всегда их закрываю, когда что-то ищу.

– Или кого-то? – лукаво настаивал он.

– Нет, что-то! – сердилась она. – Спички я искала!

– А нашла парня, – смеялся он.

– Ещё неизвестно, кто кого нашёл, – она игриво поводила глазами и закрывала его рот поцелуем, чтобы он больше не продолжал эту тему.

А вот эта девушка, которая сидела сейчас перед ним и читала «Листья травы», глаз не закрывала, и зажигалку не просила, и, кажется, не обращала на него никакого внимания. Зато он видел её лицо. И это, наверное, было неправильно. Потому что все остальные, конечно же, сразу обращали внимание на её волосы: рыжие, они светились на солнце, будто были сплетены из тончайших медных нитей. Стоило ветерку чуть прикоснуться к ним, как они вздрагивали, распадались на прядки, косматились, спадали на лоб, закрывали глаза, и тогда девушка вскидывала голову, чтобы поправить причёску. Но Сергею хотелось смотреть и смотреть на лицо девушки.

Оно напомнило ему камю, которая хранилась в бабкиной шкатулке: на темной яшме – светлый профиль молодой женщины, кажется, какой-то знаменитой греческой гетеры. «Надо наконец-то спросить, чей это барельеф, – подумал он. – Ну, какой же я нелюбопытный! И ничего не знаю. А ведь сейчас мог бы небрежно так сказать: „А я вас видел. Давным-давно. В Древней Греции...“ А, может, гетера – это не есть хорошо, а? Как-никак куртизанка, пусть и просвещенная женщина, но шлюха... Ё! Что я такое думаю? Может, на той камее какая-нибудь нимфа изображена. Определенно, эта девушка больше походит на нимфу...»

И тут она снова посмотрела на него, и он, смутившись, быстро перевел взгляд на тополь напротив и уставился на его вершину с таким видом, будто обнаружил там нечто такое,

важнее чего и нет на свете. Сергей понимал, что со стороны выглядит глупо, но ещё глупее, подумал он, считать современную девушку нимфой. Если бы об этом узнал Трамвайщик, то непременно поднял бы его на смех. Он вообще считал, что чем красивее женщина, тем опытнее, потому что таким мужики проходу не дают и, следовательно, они частенько переходят из рук в руки. Что же такого божественного в той, которая «б/у»?

«А попка у неё упругая, – вдруг подумал он. – И бёдра неширокие. Трамвайщик хвалился, что всегда по попке отличит, часто или нет девушка даёт: если лет с тринадцати начинает этим делом заниматься, то ягодички, мол, у неё тяжёлые, как бы обвисшие, будто у зрелой женщины. А эта – свеженькая, аккуратненькая, и у неё, наверное, ***** тугая...»

От этих скабрёзных мыслей ему стало неловко. Он и сам не мог понять, как от возвышенного перешёл к самому низменному.

«Козёл! – обругал он самого себя. – Какое ты имеешь право так думать о той, которую совсем не знаешь?»

Между прочим, иногда он думал и представлял совершенно фантастические вещи. Встречные женщины казались ему лисицами, волчицами, кошками, суками, а некоторые и того хуже – скунсами и гиенами: от этих пахло дешевым одеколоном, и подмышки у них были серыми от пота. Он вглядывался во всех-всех, шедших навстречу, смотрел по сторонам, оглядывался и даже останавливался, чтобы, допустим,

завязать шнурок на ботинке, который вовсе не развязывался. На самом деле это была возможность ещё лучше разглядеть очередную «хищницу».

Некоторые из них тоже, не скрывая своего любопытства, смотрели на него – симпатичные и не очень, веселые и грустные, умные и глупые, они, наверное, видели в нем то, чего он сам не смог бы разглядеть даже в самом лучшем зеркале. Ему, впрочем, не очень-то и хотелось глядеть на себя. Сергей не любил свой нос, слишком длинный, по его представлениям о мужской красоте, и эти ямочки на щеках были какие-то несерьёзные, да и брови могли бы быть погуще и напоминать крыло орла, да и губы казались ему слишком яркими, сочными, будто нарисованные. И он закрывал глаза, чтобы не видеть своего отражения. Но когда снова открывал их, то наткался на большой зеркальный шкаф-купе, установленный в его комнате.

Это зеркало, казалось, неотрывно следило за каждым движением Сергея, впитывало в себя малейший жест, вбирало все нюансы мимики, подглядывало за ним, когда он спал, сидел, читал или ходил нагим по толстому ворсистому ковру. После душа или ванны он обычно не вытирался – предпочитал, что называется, принимать воздушные ванны: где-то вычитал, что так можно укрепить иммунитет против всяких простуд. А то надоело, чуть ноги промочил или надышался морозного воздуха – сразу ап-чхи да ап-чхи, температура, кашель.

Зеркало видело и хранило где-то там, в своих загадочных глубинах, не только его шмыгающий нос, глаза, воспаленные от бессонницы, разбитую губу и лоб – он как-то подрался с одним типом, который решил поставить его на счётчик. Это всё ерунда! Потому что зеркало отражало много такого, от чего наверняка само развратилось. Оно запомнило Катю и Сергея в самых немыслимых хитросплетениях тел, и, конечно, хранило варианты часто повторявшейся картинки: девушка на коленях перед парнем, который, изогнувшись назад, яростно теребит её волосы, чуть-чуть их подергивая, а другая его рука, положенная ей на спину, совершает лихорадочные движения – со стороны похоже на массаж, но это не массаж: Кате нравилось, когда он игриво поколачивал её, пощипывал и мял кожу. И, конечно же, зеркало держало в памяти другую картину: Катя становилась на кресло, опять-таки на колени, а он, обхватив её ягодицы, охрипшим голосом вдруг спрашивал какую-нибудь чушь, не прекращая при этом быстрых, резких движений. Ну, например, он любил спрашивать это:

– Долго растила?

– Что именно?

– Ноги.

– А! Это подарок мамы и папы, они постарались.

– Длину когда последний раз измеряла? Они, кажется, еще длиннее стали.

– Сто один сантиметр. По-прежнему.

– А откуда меряла?

– Не оттуда, откуда ты думаешь.

– А откуда я думаю?

– Да ну тебя! – она вздрагивала от смеха, и внутри у неё всё почему-то сжималось, и он вскрикивал от наслаждения, а она продолжала смеяться. – Дурашка! Ноги измеряют от начала берцовой косточки. Не запомнил ещё, глупыщ?

– Выходит, ты хорошо знаешь анатомию.

– Угу. И твою – тоже, – она надвигалась на него ягодицами и тихо стонала. Специально. Потому что знала: он теряет всякое соображение, когда слышит, как ей с ним хорошо, – и сразу замолкал, сосредотачивался на своих движениях, стараясь всё сделать ещё лучше.

Вот такие диалоги у них были. Кому расскажи – глаза выпучат. Трамвайщик, правда, лишь вначале удивился, а потом завистливо вздохнул: «Ну, брат, подфартило тебе: такую тёлку имеешь, ничего объяснять не надо – сама всё сделает! А то бывает, что пока уламываешь, всё хотенье пропадает. Но не смущает ли тебя, что она даже не скрывает своей опытности?» Нет, его это меньше всего волновало.

Мало ли кто был у неё до него, это её прошлое, а живём мы настоящим, и в нем есть только он и она – своя реальность, новая вселенная, недописанный роман. «Ох, куда бы деться! – иронично кривил губы Мишка. – Недописанный роман – это когда в подъезде или в парке на скамейке, наспех, да? Да ещё всякие прохожие мимо ходят, кайф обламывают...»

Сергей тоже усмехался и отвечал Трамвайщику не менее цинично, что-то вроде: «Наше дело не рожать, вставил, вынул – и бежать, но есть, братан, некоторые ситуации, когда хочется задержаться...»

Он, конечно, и сам понимал, что сравнение любви с романом, который продолжает сочиняться, – это не то чтобы банально или выпендренно, скорее даже – пошлово, но как объяснить Трамвайщику, что ему нравилось простодушие Кати и тот легкий налёт вульгарности, который затейлив и непредсказуем: не всегда поймёшь, как он развёрнёт сюжет отношений, что будет и чем закончится их очередное свидание. А ещё ему нравилось, что Катя заводит себя и его ещё и этими фривольными разговорчиками.

Вспомнив это, он опустил глаза, искоса посмотрел на девушку: она сидела нога на ногу, но, почувствовав его взгляд, медленно качнула правой ногой и слегка приподняла её чуть повыше, но при этом её рука упала на юбку и прижала ткань к опасно оголившемуся телу.

– Извините, – он услышал свой вдруг охрипший голос и сглотнул слюну. – У меня сигареты кончились. У вас есть?

Он мог бы, конечно, сходить за «Кэмелом» в соседний киоск, всего-то в десяти метрах от столика, но ему вовсе не курево было нужно. И он боялся, что девушка пренебрежительно посмотрит на него и кивнет в сторону табачницы: вон, мол, торговая точка рядом.

Но девушка мягко улыбнулась, кивнула и стала открывать

свою сумочку. И как-то так неловко повернула руку, что локтем задела бутылочку с кока-колой, и она упала, покатилась и опустилась на колени Сергея. Бурая шипящая жидкость промочила его джинсы, и он, запоздало охнув, подхватил бутылочку – осторожно, будто это была змея, и почему-то не на столик поставил, а отбросил в сторону.

– Ах, извините, – девушка смущенно полезла в сумочку, достала носовой платок и, пододвинувшись к нему, принялась вытирать пятно. Оно располагалось как раз в районе ширинки, и Сергей, испытывая неловкость, наклонился, чтобы убрать её руку, а девушка как раз нагнулась, чтобы рассмотреть, насколько сильно кока-кола впиталась в ткань. В результате он сильно ударился лбом о её темя.

Девушка ойкнула, выронила платочек и схватилась за свою голову. Удар был сильным. Сергей увидел, как её глаза повлажнели, а лицо побледнело.

– Простите, пожалуйста, – пробормотал он.

– Ничего, я сама виновата, – девушка попыталась улыбнуться, но у неё получилась довольно жалкая гримаска.

– Больно?

– Ну, вы и двинули меня, ничего не скажешь! – девушка потрогала свое темя, вглядываясь в Сергея широко раскрытыми глазами. – А такой с виду благовоспитанный...

Его рассмешило слово «благовоспитанный» – какое-то старомодное, оно было слишком неожиданным в речи молодой особы. Он попытался скрыть улыбку, но она всё-таки за-

метила перемену его настроения и спросила:

– Что-то не так?

– Нет-нет, что вы! – он растерянно вскочил, но тут и сел, потому что пятно было слишком большим, и посторонние, ёлки-палки, могли подумать: он обмочился.

– А всё эта ваша вредная привычка, она виновата, – девушка тоже села и снова раскрыла свою сумочку.

– Какая привычка?

– Вредная! – девушка хмыкнула. – Курить, типа, здоровью вредить. Ладно бы, только своему. Так вы еще и моему навредили: захотелось вам, видите ли, сигаретку «стрельнуть»...

Она говорила это серьёзно, и хотя он понимал, что у неё, видимо, такая манера шутить, всё-таки снова почувствовал себя виноватым.

– Теперь мне ещё больше хочется навредить своему здоровью, – он попытался поддержать её тон. – Может, тогда мы будем квиты...

– А ничего не получится: сигарет нет! – воскликнула девушка и, скомкав пустую пачку «R-1 Minima», аккуратно положила её в пепельницу. – Мне, кстати, тоже хочется курить. Но у меня осталась, боже мой, только десятка, – она растерянно пожала плечами. – Как же так я забыла взять деньги...

– У меня есть, – торопливо сказал он. – Я сейчас сбегая за сигаретами...

– Ага, – усмехнулась она. – Давайте-давайте! Встречные

подумают, что вы – ходячая реклама памперсов: вот что бывает, когда мальчишки о них забывают...

– Ах, да! – он сел и прикрыл пятно ладонью. – Придётся сохнуть...

– Знаете что, – сказала она, – давайте я схожу. А то у вас уши опухнут. Вот только дайте на сигареты – мне и себе, я «Кэмел» не курю, исключительно «R-1 Минима»... Будем считать, что вы мне заняли тридцать рублей. Ой, а мне еще нужно коту рыбы купить. У вас рублей пятьдесят найдется? А в залог вам – вот, – она сняла с цепочки колокольчик, он тихо звякнул. – Возьмите! А то ещё чего подумаете...

– Нет-нет, – он замахал руками. – Ничего я не подумаю!

– Возьмите, – она опустила колокольчик в его нагрудный карман. – Потом вернете его мне. Он мне самой нравится.

Сергей достал деньги, протянул девушке и, забывшись, машинально достал из кармана джинсов пачку «Кэмела»: там ещё оставалось две сигареты.

– О! – удивленно округлила глаза девушка. – Это как понимать?

Он смутился, но всё-таки прямо посмотрел ей в глаза и простодушно ответил:

– Познакомиться хотел...

– Ну, и как вас звать?

– Сергей.

– Алина, – улыбнулась она. – Можно было бы и не разыгрывать эту сцену. Зачем усложнять то, что должно быть про-

сто и ясно?

– А мне мама не велит разговаривать с незнакомыми девушками, – пошутил он. – Тем более – знакомиться с ними на улице. Мало ли что может выйти...

– А моя мама разрешает знакомиться, – засмеялась она. – Лишь просит телефон никому не давать. А то звонки ей спать мешают.

– Но как же я верну вам колокольчик, если не буду знать ваш телефон? – нашелся он. – Так бы позвонил, и мы договорились бы о встрече.

– Я вам сама могу позвонить, – покачала головой Алина. – И если у вас телефон с определителем номера, то вы его сами узнаете.

Она сходила за сигаретами, потом записала номер его телефона, они поговорили о том – о сём, а, в общем-то, ни о чём, но обоим почему-то было весело, и они беспрестанно смеялись, и у него возникло странное чувство: будто он знает её давным-давно, а может, и не знает – просто всегда хотел встретить именно такую девушку, с которой чувствуешь себя легко и свободно, не натуживаешься, подыскивая какие-то нужные слова, и не распускаешь перья, потому что она всё понимает, и это в её глазах выглядит смешно, – уж лучше быть таким, как есть.

Пока они говорили, курили, пили кока-колу, за которой Алина сама сходила к барменше, злосчастное пятно просохло. А ему хотелось, чтобы оно никогда не высыхало.

– Мне пора, – сказала Алина, взглянув на часы. – У меня еще работа есть.

– На дом берете её, что ли? – удивился он. – Уже вечер. Какая работа? Вечером надо гулять, пить пиво, танцевать на дискотеке...

– Нет, – она встряхнула волосами, и они живописно упали ей на плечи. – Я должна сделать эту работу. Мне за неё деньги платят. Надо же вам как-то долг вернуть. Мне пора. Счастливо!

Она встала, пошла, не оглядываясь, но по её напряжённой спине он понял, что Алина чего-то ждёт, и решил, что – его, и, не смотря на не до конца высохшее пятно – а, пусть встречные думают, что хотят! – вскочил и увязался за ней.

Сергей пристально смотрел на её сверкающие медью волосы, тонкую спину, руки, талию, крепко перехваченную чёрным ремешком, и ему казалось: воздух вокруг неё колыхался и сверкал, и блеск её молодости, чистое, открытое лицо заставляло всех встречных мужчин глядеть на неё. В глазах многих из них он видел восхищение, изумление, откровенное желание. И даже воробей, который, расправив крылышки, прыгал по веткам березы вокруг равнодушно чистивший клюв самочки, вдруг опустил торчком поднятый хвост и, коротко чирикнув, устался на Алину. Наверное, птаха привлекло странное, какое-то таинственное сияние, разлившееся вокруг девушки. А может быть, всё это только казалось? Но, с другой стороны, воробей – безмозглая птич-

ка, лишённая малейшего воображения. Что ему-то могло показаться?

Он долго не решался забежать перед Алиной и хоть что-нибудь сказать ей, но в конце концов набрался смелости, и, внезапно встав перед ней, отчаянно выпалил:

– Я хочу, чтобы вы скорее мне позвонили!

Алина от неожиданности остановилась, и он, с восторгом ощущая серебристый холодок в груди, увидел, как розовеют её щеки, и она, не смея взглянуть ему в глаза, опустила голову. Он понял, что она не знает, как себя вести, но ей, так же, как и ему, хочется продлить их мимолётное знакомство, погулять, поговорить о том – о сём, но она не знает, удобно ли это, да и вообще – могут ли так поступают приличные девушки? И он, чтобы не дать ей опомниться, выпалил:

– Я провожу вас!

И, сказав это «вас» вдруг поймал себя на смешной мысли: никогда и никому из своих сверстниц-ровесниц он не «выкал» так долго. Обычно как-то сразу переходил на «ты», и особенно не задумывался, что и как сказать, а тут – подумать только! – ведёт себя как очень благовоспитанный юноша. Джентльмен, чёрт побери!

– Господи, – вымолвила она и подняла глаза: её зрачки потемнели, и он почувствовал, что его губы пересохли. – Господи, меня же уволят, если я не сделаю эту работу!

– Ещё успеете, – ответил он. – Ну, идёте же гулять – на Амур, в парк, или вы хотите поиграть в бильярд? Вы лю-

бите миллиард?

Он ещё о чём-то спрашивал её, и она что-то отвечала, но он не слышал слов – он слушал музыку её речи, и по тому, как она говорила, торопливо шла, часто постукивая каблучками по асфальту, и тщательно сохраняла дистанцию, чтобы, не дай бог, не коснуться его руки, Сергей вдруг понял, что понравился ей, по крайней мере – не противен, и она просто ещё не решила, достаточно ли он хорош для неё.

– Всё, – вдруг сказала Алина. – Мы пришли. Я живу в этом доме.

Дом был из тех, которые почему-то называют элитными: высокий, из роскошного красного кирпича, с башенками на крыше, телескопическими антеннами, треугольными балконами, тонированными стеклами, цветными витражами, огромными кондиционерами – сказка, а не дом! Он стоял почти на центральной части улицы, чуть пропустив вперед старинный особнячок, в котором сейчас располагалась художественная мастерская. И дом, и особнячок удивительным образом слились в единое целое: с одной стороны, должны были бы взаимно исключать друг друга – дореволюционная архитектура обычно плохо сочетается с модерном, но, с другой стороны, красный кирпич, использованный при строительстве обоих зданий, как-то скрывал, микшировал эти несоответствия; правда, современный кирпич, как его ни имитировали под старинный, всё же блистал свежестью и был каким-то слишком чистеньким.

В этом доме жил один бывший одноклассник Сергея – Антон Лапенков, сын известного в городе предпринимателя, который разбогател на куриных окорочках. Когда частное предпринимательство еще только начинало в Ха развиваться, он скумекал, что в любых условиях народ хочет есть, и даже если у него нет денег, он всё равно извернётся, но купит жратву. Дешевые американские куриные окорочка привозили в город аж из Москвы, хотя совсем рядом был открытый порт Владивосток, и гораздо удобнее было везти этот товар напрямую на Дальний Восток. В общем, отец Антона продал квартиру, вся семейка переселилась к бабке куда-то на окраины, папашка взял в банке кредит – на свой страх и риск: курс доллара тогда плясал как святой Витт, возникали и рушились многочисленные финансовые «пирамиды», и никто ни во что не верил. Но, видно, он был счастливчиком: окорочка неплохо пошли на рынке, вытеснив московских конкурентов, появилась прибыль, и кредит вскоре был погашен, а там и достаток в семье. Антона определили в частную школу, где учился Сергей. Тут протирали штаны за партами от прыски самых известных и уважаемых в городе людей. Ну, с отцом Сергея всё было понятно – он долго работал в бывшем крайкоме компартии, оброс связями и, конечно, друзья не оставили его в беде, когда партия сгорела синим пламенем: устроили его директором небольшого заводика, где из вторсырья производили туалетную бумагу. Она тоже всегда нужна. Так что семья Сергея особо не бедствовала.

И вот, оказывается, эта девушка живет в таком престижном доме. Ну, надо же! Чья же она дочка?

Сергей не решился прямо её об этом спросить, лишь удивился:

– Крутой у вас домишко-то! Я думал, что девушки из таких домов никогда не ходят пешком, только на «меринах» ездят...

– А я боюсь машин, – она засмеялась и встряхнула копной своих сверкающих волос. – Я исключение из вашего правила.

Он хотел прикоснуться на прощанье к её руке – пожать, погладить, что угодно – лишь бы унести с собой её тепло, но не решился это сделать, и лишь кивнул, изобразив всем лицом широкую улыбку:

– Пока! Жду звонка.

А потом, когда за ней захлопнулась широкая дверь, он, ещё немного постояв, спустился обратно на Уссурийский бульвар, глядя себе под ноги и чувствуя какую-то непонятную, лёгкую печаль.

Я – обычный, такой же, как все, а может, даже обыкновеннее и скучнее, чем все. У меня нет ярких увлечений, и я не знаю, допустим, пять языков, как некоторые вундеркинды – только английский, и то со словарём; не собираю редкие марки (вру! собирал их, когда мне было девять лет, а потом это мне наскучило... нет, впрочем, не наскучило, просто мне

понравилось собирать модели самолётов из пластмассовых деталей, которые продавали в магазине «Ратибор» – и это занятие до того захватило, что уже не оставалось времени на филателию; теперь альбомы с марками лежат на шкафчике, в котором за стеклом пылятся модели самолетов – и я время от времени рассматриваю то и другое); у меня нет шестого чувства и потому я не умею писать стихи, тем более – петь девушкам серенады (вообще, на моём ухе основательно потоптался медведь, а может, даже африканский слон); и спорт я не люблю, а если и хожу «качаться» в один клуб, то только затем, чтобы не выглядеть хилым, ну, и в случае чего, суметь постоять за самого себя; читаю мало, предпочитаю кино, которое не «загружает», а расслабляет, и навряд ли отличу Мане от Моне, и если что меня по-настоящему интересует, так это – компьютеры и всё, что с ними связано, но, как недавно сказала мать, особо гордиться этим не стоит: сегодня с компьютерами так или иначе связаны почти все нормальные люди, разве что только уборщицы и дворники ими не пользуются. Так-то оно так, но я умею то, что не все могут: составляю различные программы, придумываю интернет-сайты для друзей, занимаюсь дизайном и у меня это, кажется, получается. Но не будешь же говорить с девушками о компьютерах и всяких штуках, с ними связанными, – это большинству из них скучно и непонятно. Потому я всегда боюсь показаться им серым и неинтересным. Хотя – признаюсь сам себе! – я такой и есть: самый обычный человек, без

взлётов и «изюминок». Может быть, ещё и поэтому стараюсь выделиться хотя бы фирменной одеждой – китайские и турецкие шмотки не ношу, тут, кстати, спасибо родителям: дают деньги, да ещё и за вкус хвалят (ха-ха-ха! какой там, к чёрту, вкус! просто иногда просматриваю журналы «ОМ» или «Медведь» – там для наглядности печатают фотографии крутых мэнов в модных одеждах и о всяких аксессуарах пишут)). Хожу в престижные ночные клубы, и не потому, что они мне нравятся, а затем, чтобы небрежно сказать утром перед лекциями: «Млин! Опять не выспался. Зачем-то в „Великано“ попёрся, а там – своя компания зажигает, то-сё, танцы-шманцы-обжиманцы, млин!» И это выражение «млин», кстати, знающим людям тоже кое о чём говорит: в нашем городском чате его употребляют вместо лоховского «блин», и это вроде опознавательного знака: значит, ты имеешь возможность «чатиться», для чего, между прочим, кроме выхода из дома в Интернет тоже нужны денежки (бывает, что от провайдера приходят ежемесячные счета на две-три тысячи, и мне приходится виновато опускать глаза перед родителями, врать, что скачивал рефераты или пользовался различными познавательными сайтами, хотя на самом деле болтал по «аське», «чатился» или смотрел всякую порнуху).

Только сам себе могу признаться, что я – обычный, средний, нормальный, заурядный, типичный (хватит? или ещё продолжить?). И потому мне приходится стараться выглядеть лучше, чем есть. Правда, не всегда – только в тех слу-

чаях, когда я очень-очень хочу понравиться.

Алине я хочу понравиться. Очень хочу! Но я – обычный. А она – особенная. Ну, что мне сделать, чтобы ей со мной не стало скучно?

2.

– Тебе повестка от следователя, – сказала мать.

Сергей взял листок бумаги с трафаретным текстом: такой-то такой должен явиться в одиннадцать утра завтра в такой-то кабинет к следователю...

– Мам, что это значит? – Сергей недоуменно покрутил повестку в руке. – Ну, всё вроде бы уже закончилось. Неужели ей мало тех денег, которые вы отдали?

– Не знаю, что это значит, – раздраженно ответила мать. – Отец твоим делом занимался, он уверяет, что эта прошмандовка сразу же забрала своё заявление, как получила деньги. Может, ещё и следователю надо платить? Я ничего не знаю!

– Ты от нее была в восторге, – напомнил он и передразнил: Ах, лучше девочка из бедной семьи, чем все эти крали, которые и сами не знают, чего хотят...

– Катька показалась мне скромной, неизбалованной, – вздохнула мать, не обращая внимания на его кривлянье. – Ну, никак не походила на разводилу...

– О! В твоём лексиконе появилось новое слово! – усмеялся Сергей. – А сама постоянно мне твердишь: не говори

так, не говори эдак. А сама-то...

– Мошенница высшей марки она! – припечатала мать. – Это надо же: спать с парнем, а потом обвинить его в изнасиловании, да еще пятнадцать тысяч рублей с него стребовать...

– Каждый выживает как может, – меланхолично заметил Сергей. – Я на неё уже не обижаюсь. Только от всего этого как-то противно. Могла бы ведь просто сказать: «Мне нужны деньги, и не люблю я тебя, а просто трахаюсь, потому что рассчитываю что-то получить за это...»

– Трахальщик! – мать презрительно скривилась. – Если у тебя там чешется, то мог бы поприличнее девку найти...

– Ну вот, – он покрутил повестку, усмехнулся. – То она тебе скромницей казалась, то, извини, прошмандовкой, то...

– Что-то ты слишком языкастым стал, – взвилась мать. – Я не ханжа, понимаю: парню твоего возраста нужна сексуальная разрядка. Но в таком случае, будь добр, внимательнее выбирай объект для своих ... ээээ... упражнений.

– Мама, ну, сколько можно об одном и том же мне твердить? – Сергей полез за сигаретами в карман рубашки.

– И не кури мне тут! – закричала мать. – И так дышать нечем! Иди на балкон...

На балконе он сел в шезлонг, с наслаждением затянулся «Кэмелом» и снова пробежал глазами текст повестки. С этой Катькой, конечно, не соскучишься. Что-то, видно, новенькое выдумала, что ли? Следователь ведь сказал, что она забрала

своё заявление, хотя он может и не прекращать дело: выявились, мол, обстоятельства, которые заставляют его предполагать, что девушка подвергается давлению.

– Ты заставил её забрать это заявление, – сказал следователь. – Твой отец, как нам известно, пригрозил ей расправой...

Сколько Сергей не убеждал этого молодого, самодовольного мужчину, что ничего подобного ни он, ни отец не предпринимали, следователь не верил и твердил своё. Его мало впечатлили даже фотографии, на которых Сергей и Катя сидели обнимку, держались за руки и шутливо целовались.

– Ну и что? – следователь хмыкал. – Девушка и не отрицает, что была знакома с тобой полгода, у вас была общая компания, вы дружили с ней. Но она не занималась с тобой сексом. Ты её изнасиловал. Колись!

Сергей возмущался, даже кричал, но это не производило никакого впечатления. Напротив, следователь еще быстрее начинал поглаживать свои тонкие, как ниточка, усики и с ироничной улыбкой на припухлых губах однотонно тянул:

– Ну-ну, ну-ну...

Сергей не врал. У них с Катей как-то очень быстро всё произошло. Неделю они встречались по кафешкам, ходили в кино, обнимались в пустых подъездах, слонялись по парку, целовались на скамейках, – и он, расставаясь с нею, чувствовал радостный озноб при одной только мысли, что завтра они увидятся снова, и вспоминал каждое её движение,

каждый жест и каждое слово, и все милые глупости, и то, как она смущалась, целуя его: всегда крепко-крепко зажмуривала глаза, и её ресницы дрожали как две испуганные бабочки. Он не видел ничего, когда видел её, и между ними начиналось что-то такое, чему он и сейчас не смог бы подобрать определения – это было какое-то безумие, которое сотрясает тело и делает его легким, кажется: вот-вот, немного – и ты полетишь!

Он был в неё влюблён. И она, казалось, тоже не могла без него жить. Катя всё время твердила: «Я без тебя не я!» И на восьмой день, когда он по привычке повел её в кафе «Касам» пить зелёный чай и жасмином и магнолией – ей очень нравился этот напиток, Катя вдруг остановилась, потупила глаза и как-то очень тихо сказала:

– Пойдем ко мне. Только быстрее! Мама через два часа придет.

Он поймал машину и, пока ехали на Пятую площадку – отдаленный, один из самых грязных и запущенных районов города Ха, он покрывал её лицо поцелуями, тискал, бессовестно ласкал её колени; ему было как-то всё равно, что подумает водитель, и, потеряв всякое соображение, он расстегнул куртку, задрал рубашку и настойчиво положил её руки себе на грудь, желая ощущать её прикосновения к своему телу. «Не сейчас, – шептала она. – Потом-потом...»

Ну а потом было всё. Они, слава богу, успели намиловаться до прихода матери. А может быть, Катя и соврала насчет

нее. Может, никакая мать и не должна была придти. Просто девушка выделила ему эти два часа и, когда они прошли, решительно скомандовала: «Быстрее! Одевайся! Не тормози! Ты должен уйти!» А когда она приходила к нему, то тоже помнила о лимите, установленном для их близости: если говорила, что у неё есть только «часик», то это и были именно шестьдесят минут, ни больше – ни меньше. Как он ни упрашивал её, она решительно отводила его руки от себя, хмурилась и сердилась: «Я должна вернуться домой вовремя!»

Может, она никогда и не любила его? Может, ей были нужны от него эти несчастные пятнадцать тысяч, а? Но почему же она тогда написала ему на открытке ко дню рождения: «Я помню каждый миг нашей любви, когда мы были одним целым»?

– Господи, а где же эта открытка? – он даже подскочил от неожиданности. – Это же доказательство того, что она со мной трахалась! По взаимному согласию. И как я о ней мог забыть? Остолоп!

Он кинулся в свою комнату, но в этот момент тоненько затинькал дверной звонок. Мать, которая была в ванной, крикнула:

– Открой отцу! Сегодня он ушел без ключей.

Сергей открыл дверь. Отец ввалился в прихожую и пробасил:

– Здорово! Как дела, насильник?

– Никак! – не обращая внимания на его подколку, сказал

Сергей. – Опять меня в ментовку вызывают...

– А! Это полезно! – отец бесцеремонно опустил руку ему на плечо и похлопал. – Впредь тебе наука! Не связывайся с шалавами, дружи с приличными девчонками...

– Надоело мне ходить к этому менту и рассказывать одно то и то же, – Сергей поморщился. – Похоже, он верит только ей...

– Гы! – гаркнул отец. – Он верит только деньгам! Наверняка тоже хочет что-то поиметь с тебя.

– Той прошмандовке пятнадцать тысяч, этому – не меньше, – проворчала мать, выходя из ванны. – Что-то дороговато обходятся нам твои девочки...

– Ладно тебе, – цыкнул отец. – Если эти деньги разделить на те дни, когда он её, – отец сделал выразительный жест, – то всё равно выйдет меньше, если бы он вызывал девок по телефону...

– Экономист! – мать блеснула кругленькими очочками в оправе под золото. – Ты что говоришь-то? Подумай! В человеке важно нравственное начало, оно – стержень всему его существованию...

– Ну, началась лекция на темы морали! Интересно, что о тебе студенты думают? А думают они, наверное, что профессорша – жуткая зануда. Ну, как ты, Наталья Ивановна, не поймёшь: тело-то у Серёжки молодое, – жизнерадостно осклабился отец. – Вполне понятно, что ему с девушками не только о Шекспире хочется говорить. Но теперь ему будет

наука: не кидаться на первую попавшуюся юбку!

Сергей рассмеялся.

– А! Ржешь, жеребец! – мать, наполняясь негодованием, поставила руки калачиками на своих бедрах. – И не стыдно тебе? Позоришь нашу семью! Что подумают о нас люди?

– Да начхать, что они подумают, – отрезал отец. – А ты не лыбься, Сережка! Дело-то серьёзное...

Но Сергей рассмеялся не из-за перебранки родителей. Он подумал о том, что снова, кажется, кинулся на первую встречную юбку – по выражению отца. Алина вполне подходила под это определение!

– Он ещё смеётся, – мать покачала головой. – В тюрьму можешь попасть. Ты об этом подумал? А там с насильниками знаешь, что делают? Я в газетах читала...

– Никого я не насиловал, – огрызнулся Сергей. – А засмеялся, потому что...

Правду он, конечно, не мог сказать. И замялся, подыскивая ответ. А мать, подбоченившись, так и сверлила его грозным взглядом.

– ... потому что подумал, что твои студенты точно поугорали бы, если бы узнали, какие слова ты употребляешь, – нашёлся он. – В представлении других ты – интеллигентная женщина.

– Вот до чего ты меня довёл! – парировала мать. – У меня нервы ни к чёрту стали из-за этой истории. Как подумаю, что о ней в университете узнают, так вся не своя делаюсь.

– Да ты не про университет думай, – сказал отец. – На-с**ть, что они там подумают! Серёжка в беду попал, а ты о своем имидже заботишься.

– Можно, я пойду в свою комнату? – Сергей сделал брови домиком и сморщился как от зубной боли. – Голова болит. И без этих разговоров тошно...

Отец молча кивнул, а мать вдруг опустила руки и вздохнула:

– Думаешь, я не понимаю, как тебе тяжело? Ты извини, я сорвалась... Может, поешь? Целый день ведь не ел. Вот и болит голова...

– Потом, – мотнул головой Сергей. – И не голодный я. В кафе перекусил.

В комнате он упал ничком на диван. Ему хотелось отключиться от всего, что было по ту сторону двери. Еще каких-то лет пять назад Сергей умел делать это в совершенстве. Прежде всего, надо было неподвижно уставиться в одну точку, не шевелиться и ни на что не обращать внимания, просто – глядеть перед собой в пространство, пока где-то там вдалеке не возникнет маленькая точка. И как только она появится, постараться сконцентрировать на ней взгляд – смотреть только на неё и на что внимания не обращать.

Вначале она была маленькой, даже меньше мошки, но Сергей каким-то образом притягивал её, а может, это она его притягивала к себе – и делалась всё больше и больше, раздувалась как шарик, шар, шарище, и вот он уже под её

куполом, который продолжает расти и шириться, и вскоре сливается с ярким голубым небом, растворяется в нём, а может, и само небо, и солнце, и невидимые днём звёзды оказываются внутри этого гигантского шара. Стоит оглушительная тишина, лишь где-то далеко-далеко, у самого горизонта, тихонько звенят колокольчики, а может, и не колокольчики – наверное, это в высокой, влажной траве бряцают литаврами цикады и кузнечики. Ему почему-то так и представлялось: к их лапкам прикреплены сверкающие медные кружочки, насекомые ударяют ими – и рождается печальный, долго не затухающий звук, и снова медленный удар литаврами, и снова – этот протяжный звук, тягучий как начавший засахариваться мёд. Голова начинала кружиться, и он погружался в странный цветной туман: полоса белая, полоса серая, полоса голубая...

«Вы бы показали своего мальчика хорошему врачу, – говорила матери воспитательница Маргарита Афанасьевна. – Он у вас задумывается частенько. Не дозовешься его! Глаза открыты, а сам – спит...»

Маргарита Афанасьевна так, наверное, и не догадалась, что шестилетний Серёжка просто уходил от неё – отключался, так сказать: не хотел слышать её вечно недовольного голоса, всех этих поучений, окриков, а, главное, ему не нравилось, как она читала сказки. Воспитательница открывала книгу и, поминутно бросая на группу ястребиный взор, начинала: «Жили-были старик со старухой... Горшкова, не

вертись... И была у них дочка Машенька... Антон, положи зайца на место и слушай меня... Такая красивая, такая пригожая, старики нарадоваться на неё не могли... Шулепов, я всё вижу! Опять грызешь ногти!»

Серёжка не вертелся, не грыз ногти, не подпिनывал под столом свою соседку Олесю Архипову, хотя ему всё время хотелось задеть её, чтобы обратить на себя внимание, – он преданно смотрел на Маргариту Афанасьевну, и старался даже не мигать. Слов он не слышал – только видел, как шевелятся губы воспитательницы: то едва-едва касаются друг друга, то округляются, то вытягиваются в трубочку, то скорбно обвисают и вдруг взмахивают крылом чайки. Сережа представлял, как птица взмывает над волнами и парит в прозрачном, холодном воздухе, такая одинокая и прекрасная. Порывом ветра её подбрасывает вверх – туда, где солнце, к облакам, выше их, в губительные, сверкающие выси, и вскоре чайка становится серой точкой. Если бы он не знал, что именно на этом участке неба затерялась птица, то навряд ли разглядел бы её. Били в литавры кузнечики, звенели цикады, перекликивались овсянки, монотонно шумел ручеек, над фиолетовым ирисом завис крупный мохнатый шмель – он сердито жужжал, не решаясь почему-то опуститься на цветок.

Боясь упустить из виду точку в небе, Сергей скосил глаза, чтобы посмотреть на шмеля. И в этот момент его боковое зрение засекало начало превращения: точка пульсирова-

ла, росла, наливалась тусклым жёлтым светом – мерцала как маломощная лампочка в туалете коммуналки.

– Сережа, повтори, что я сказала. В третий раз прошу!

Голос Маргариты Афанасьевны все-таки, наконец, касался его слуха, и он вздрагивал, возвращаясь в привычный мир, и сонно улыбался, пожимая плечами:

– Извините, Маргаритфанссена, больше не буду...

Воспитательница навряд ли догадывалась, что мальчик, глядя на неё преданными глазками, думал про себя: «Подождите, Маргаритфанссена, вот я вырасту большим, и сильным, и умным, и придумаю робота, который вместо воспитательниц будет играть с детьми, и ни за что, никогда в жизни не закричит на них, и не поднимет на смех, а уж если начнёт читать сказку, то это будет сказка, да-да-да!»

Эти первые проблески самосознания утешали его. Они уводили его от того, что ему не нравилось и с чем не мог справиться сам. Фантазия отвлекала от реальности, поднимала его над ней, освобождала от обид, неприятностей, смутного настроения. Но когда Сергей вспоминал Катю, его воображение бунтовало: вокруг девушки – чёрная пустота, хоть бы звёздочка где мелькнула – ровная, абсолютная пустота цвета антрацита, и казалось: коснись её рукой – в дёготь попадёшь: если даже быстро отмоешься, то всё равно тело надолго сохранит впитавшийся в него острый, густой, удушливый дух.

– Ну, зачем я так думаю? – сказал он сам себе и перевер-

нулся на спину. – Согласись: тебе с ней было хорошо. Правда, не находилось о чём поговорить – её мало интересовали музыка, кино, хорошие книги. Катька смотрела какие-то стрёмные сериалы, слушала всю эту попсу и обожала ходить в кинотеатр «Гигант» на мистику или эротику. Ну, не все же девушки должны читать Кокто или, как Алина, Уитмена. Ей и не надо было всё это знать.

Она знала то, чего не знают некоторые другие девушки: любовь без секса – не любовь, и то, и другое не ведаёт правил, а если они даже и существуют, то писаны для кого угодно, только не для Кати: она смеялась над картинками из роскошно изданной «Кама-сутры», которую отец подарил Сергею, и удивлялась, что разнообразие физических отношений сводится к чётко описанным позам, как будто у влюбленных нет собственной фантазии, и над элегиями Овидия издевалась, и слушать не хотела ни про какие книжки, описывающие технику секса, – она говорила: «У меня своего ума на это хватит, зая! Разве нет?» И сводила меня с ума именно этим – фантазиями, экспериментами, безоглядностью чувств. Ой ли, чувств? Наверяд ли... Она просто забавлялась, потому что хотела одного: получить эти проклятые деньги...

Но если она хотела только денег, то почему в первый же раз, как они переспали, не побежала в милицию с заявлением об изнасиловании? Зачем продолжила отношения, и почему так радовалась, когда видела его? Неужели это можно сыграть: искренняя улыбка, жаркий поцелуй, трепет рук,

внезапный румянец – нет, даже не румянец, а розовые пятна, которые проступали на её светлой коже как переводная картинка: тут пятно, там пятнышко, и еще одно...

– Не говори мне таких слов...

– Ну, почему? Это правда!

– Я знаю, что не красавица. Не ври мне, пожалуйста...

– Для меня ты самая-самая...

Катя посмотрела на него долгим, серьезным и немигающим взглядом. Он не отвёл глаз, и тоже, не мигая, глядел прямо в её зрачки. Он был честен: она действительно казалась ему лучше всех девчонок, которых он знал, и он, конечно, прекрасно понимал, что Катя – никакая не топ-модель, и, более того, её, пожалуй, портило лёгкое косоглазие – нет, с глазами, вообще-то, было всё в порядке, но стоило ей понервничать – и левый глаз чуть-чуть сдвигался к переносице; зрачок, угольно-черный, словно освещался изнутри огнем далёкого костра, а радужка ещё ярче наливалась изумрудной зеленью.

– Ты, наверное, была когда-то ведьмой, – восторженно шептал он. – У тебя глаз колдовской!

– Да! – она весело смотрела на него, не отрывая взгляда. – Захочу – и ты ни на одну женщину больше и не взглянешь. Присушу-приворожу, а потом возьму и брошу тебя. И будешь ты мучаться...

– За что?

– А ни за что! – она прикрывала глаза ресницами, и по её

губам скользила легкая тень улыбки. – Нет, вру! Знаю, за что. За то, что ты нравишься женщинам. И ещё за то, что нам не судьба остаться вместе...

– Откуда ты знаешь, судьба или не судьба?

– Молчи! – она осторожно, но настойчиво прикасалась губами к его губам, вынуждая его замолчать. – Я это чувствую. Ты – не мой.

– Я – твой, – он крепче прижимался к её телу. – Чувствуешь, я весь твой?

– Нет, – она прикасалась пальцем к его губам, не давая им раскрыться. – Тело к телу – это ещё ничего не значит. Помолчи, зая. Не надо слов...

– Иногда ты меня пугаешь, – он убирал её палец со своих губ. – Мне порой кажется, что ты старше, чем есть на самом деле...

– А мне иногда кажется, что кто-то подсказывает, как себя вести, – её рука, положенная ему на грудь, легонько вздрагивала, и он тоже вздрагивал: из её ладони будто выходил разряд тока – мгновенный, легкий укус. – Наверное, все женщины, жившие до меня, – прапрабабки, прабабка, бабка Софья, про неё, кстати, говорили, что она умела колдовать – так вот, все они следят за мной, и если что-то не так, дают об этом знать. Это не голоса, нет! Это будто бы какая-то вспышка в мозгу, раз – и загорелась сигнальная лампочка, и я знаю: что-то не так, совсем не так, и всё стоит делать так-то и так-то...

– Ерунда какая-то, – бормотал он. – Глюки!

– Хочешь – верь, хочешь – нет, – она пожимала худенькими плечиками. – Но это правда. И я знаю, что мы никогда не будем вместе...

– Но мы сейчас вместе, – Сергей смеялся и снова прижимал её к своему телу. Но с ним тоже происходило что-то странное: его губы растягивались в улыбке, но на самом деле ему было грустно, какая-то неясная, смутная тоска сжимала сердце, а может, и не сердце, а нечто рядом с ним – то, что наваливалось камнем, придавливало, тискало этот трепещущий комочек, заставляя его биться ещё чаще.

Катя приложила ухо к его груди и, казалось, заснула: глаза закрыты, лицо безмятежно, дыхание легкое, ровное.

– Почему ты закрываешь глаза? – спросил он. – Ты всегда их закрываешь, когда кладешь голову мне на грудь...

– Это – тайна, – шепнула она и ещё крепче сжала ресницы. – Тебе об этом знать не обязательно.

– Но почему?

– Ты не поймёшь...

– Думаешь, у меня ума маловато?

– Ладно, – она вздохнула. – Когда я смотрю на тебя, то ты видишь в моих глазах своё отражение. Но ты не видишь то, что вижу я в твоих глазах.

– Почему же? В них ты...

– Нет, в твоих глазах не видно ничего, – она провела пальцем по ложбинке в его груди, потрогала короткие, мягкие волосинки вокруг сосков и опустила ладонь ниже – на пу-

пок. – В них ничего не видно, кроме моих слёз...

– Какие слёзы? О чём ты? Разве ты плачешь? Я ничего не вижу...

– Ты не видишь ничего, а я вижу в твоих глазах свои слезы, – упрямо повторила она. – Ты же хотел знать мою тайну. Теперь ты её знаешь, но не поймёшь её...

– Выдумываешь, – усмехнулся он и мягко, но настойчиво потянул её ладонь ниже, ещё ниже. – Я вижу твою улыбку, и радость вижу, и вот эти губы, и носик, и щечки, и ушки, – он поочередно называл то, что целовал. – И шейку, и грудь – эту, и вот эту... Я готов часами смотреть на тебя!

– Но это не значит, что ты меня на самом деле видишь, – ответила она. – И ты не знаешь, что такое любовь...

– Любовь – это...

А что это? Нет, правда, что это такое на самом деле – любовь?

На обёртке от жевательной резинки написано: «Любовь – это...» И нарисованы два сердечка – веселые, ярко-красные, простодушно-дебильные.

Катя, хотя и баловалась сигаретами сама, терпеть не могла запаха табака, и Сергею приходилось жевать жвачку.

– Любовь – это, – повторил он и, не зная, что сказать, замолчал.

– Что же? – она рассеянно повертела обертку от жвачки. – На картинке, смотри, всё просто: два сердечка тянутся друг к другу, им хорошо вместе. Но разве это любовь? Они не

видят то, что спрятано в глубине глаз...

– Что-то непонятное ты говоришь, – заметил он и, не желая продолжать тему разговора, ловко сменил её: У тебя такие красивые глаза. Тебе, наверное, часто про это говорили?

– А не скажу! – она высунула кончик языка и подразнила его: Бе-бе-бе! Догадайся сам...

– Да я с первого раза догадаюсь! – он притянул ее к себе, обнял и, стараясь не моргать, уставился прямо в её зрачки. – Много! Не меньше ста человек!

– Бе-бе-бе, – она не отводила взгляда. – Не угадал!

Он смотрел в её глаза, она – в его. Сергей не мог понять, то ли она шутит, то ли говорит правду.

– Неужели их было так много, что ты потеряла счет? – он искреннее изумился, хотя и пытался делать вид, что ему всё равно.

– У меня по математике «пятёрка» была, – в её зрачках сверкнули желтые искорки. – Так что считать умею, и дебете с кредитом обычно сходятся. Ну, давай-давай, угадывай!

– Ладно, – он не выдержал и первым отвел взгляд. – Каждый мужчина, если он, конечно, мужчина, должен был заметить твои глаза.

– А вот говорить про это я разрешала не каждому, – засмеялась Катя.

– Можно подумать, они у тебя разрешения спрашивали.

– Некоторые не спрашивали, это правда, – кивнула она. – Но я всегда чувствовала тот момент, когда начнутся все эти

комплименты, и про глаза тоже, а потому вовремя говорила «пока!». Если мне, конечно, не хотелось, чтобы именно этот человек говорил мне всякие глупости...

– И много было таких, кому ты это разрешала?

– А вот это дело не твоё, – она снова высунула кончик языка и подразнила: Бе-бе-бе! Думай, что хочешь. А чтобы легче думалось, смотри: вот они!

Она повела рукой, и за её плечами возник смешливый белобрысый паренёк, за ним – высокий красавец с картинной белозубой улыбкой, ему в затылок дышал чернявый солдатик в мятой гимнастёрке, за ним – приличного вида господин средних лет, смущенно поправлявший тонкие очки, плечом к плечу рядом встал молодой человек, похожий на этого господина – может быть, даже его сын, следом – ещё один парень, и ещё, и ещё.

– Гляди, гляди! – Катя смотрела на него отчаянно весёлыми глазами. – И думай, что хочешь. Мне всё равно, что ты подумаешь...

– Что за фокусы? – растерялся Сергей. – Как ты это делаешь?

– В тот-то и дело, что ничего не делаю, – она пожала худенькими плечами. – Не знаю, как у кого, а у меня – все мои мужчины всегда со мной.

– Они все – твои?

– А что? Разве много? – Катя откинула голову назад и расмеялась. – Господи! Ты, наверное, подумал, что со всеми

ими я непременно трахалась? Ну, почему вы все такие примитивные: если женщина считает мужчину своим, то, значит, непременно ему отдавалась. А существует, между прочим, и чистая любовь. Правда, Павлик?

Она обняла белобрысого паренька, чмокнула его коротким поцелуем в загорелый нос, и тот, засмутившись, неловко приобнял её за плечи, но так и не решился поцеловать.

– А вот этого – Александра, – она поманила пальцем высокого голубоглазого атлета, – я вообще не любила. Просто у меня был такой период, когда нужен был хоть кто-нибудь, чтобы не чувствовать себя одинокой и никому не нужной дурой. И тут попался он, – она вздохнула. – В Александре всё хорошо, и любовник он отменный, и такого члена, как у него, я больше не встречала, но ничего, абсолютно ничего я не испытывала. Нет, впрочем, вру. Пока мы были с ним в постели, всё было хорошо, нет, лгу: великолепно, лучше, наверное, не бывает! Но как только я вставала с этих измятых, горячих простыней, так сразу же – ничего, какая-то пустота, и душа молчит, и скучно, и думаешь: «Господи, он же так старался! А вспомнить нечего...» Нет, правда, вспомнить нечего, кроме его крепкого члена. Ну, не поганка ли я? Но врать самой себе не умею: кроме секса, нужно что-то ещё... А что? Не знаю. Нет, опять вру, потому что знаю, но тебе не скажу. Ладно, Сашек, не стесняйся, покажи, что у тебя есть...

Атлет, лучезарно улыбаясь, лёгким и непринужденным движением освободился от плавок. Наверное, он был стрип-

тизёром: красивое тело, грациозные жесты, картинная стойка и, что удивительнее всего, его детородный орган, вздрогнув, начал выпрямляться сам по себе. Казалось, что этот внушительный член жил своей жизнью, отдельной от тела картинного красавчика.

«Впечатляет! – отметил Сергей. – Екатерина Великая определила бы его в гренадёры. Хотя, возможно, это всего лишь муляж, искусно сделанный – не отличишь от натурального. С чего бы он ни с того, ни с сего встал? Наверное, как-то управляется. Кнопочка где-нибудь есть...»

Но Катя, словно прочитав его мысли, громко засмеялась и, не смущаясь, ухватила трепещущее копьё гренадера и дернула его:

– Смотри! Не отрывается. Полноценный х**... А у тебя настоящий? Сейчас и проверим...

Другой рукой она потянулась к ширинке Сергея и, продолжая хохотать, дернула молнию. Такое поведение изумило его, и он положил свою ладонь на ее руку, чтобы остановить Катю. Но его пальцы ощутили лишь собственный напрягшийся член.

– Кать, ты куда пропала?

Сергей очумело потряс головой и открыл глаза. Он лежал на диване, укрытый клетчатым пледом, рядом с ним примостился Маркиз – серый кот с белой симпатичной мордочкой. Ни девушки, ни гренадера, ни роты Катиных мужчин рядом не наблюдалось.

– Приснится же такое!

Сергею, как всякому молодому человеку, грезились эротические видения, и порой то, что в них творилось, лишь повторяло его собственные фантазии, виденные фильмы или какие-нибудь рассказы, прочитанные в бульварных еженедельниках. Но это сновидение было особенным. Он как-то меньше всего думал о том, какие у Кати были мужчины до него и что они с ней делали, а если даже и думал об этом, то как-то вскользь, без интереса и уж, конечно, не воображал себе ее бой-френдов. А тут – такие картины, ёкарный бабай, фу ты – ну ты!

В комнату заглянула мать, тихо позвала:

– Сережа, ты спишь?

– Нет, мам...

– Ты вчера как лег, так и уснул мертвецким сном, – сказала мать. – Я тебя тревожить не стала, пледом укрыла.

– Спасибо, мам. Надо было разбудить. Я хотел фильм Антониони посмотреть по телеку...

– Возьмешь на видео, – ответила мать. – Отец уже на работу ушел, у меня первая пара – так что я тоже побежала. В кофеварке остался кофе, подогреешь его...

– Угу, подогрею, – он сладко потянулся. – Это сколько же я прокемарил?

– Переживаешь ты, – заметила мать. – Вот и свалила тебя крепкая дрёма. Но это хорошо – хоть поспал власть. А что тебе приснилось-то? Ты так стонал сейчас...

– Какая-то ерунда, – отмахнулся Сергей, продолжая лежать под пледом. Встать он не мог по очень простой причине: эрекция не проходила, и ему мог помочь лишь холодный душ. «Скорее бы ты ушла, – подумал он. – Мам, ну опоздаешь же на лекцию!»

– Кажется, ты сегодня подашь своим студентам дурной пример, – сказал он вслух.

– Что? – уже из прихожей откликнулась мать. – Какой пример?

– Опоздаешь, – уточнил Сергей.

– Я вообще хотела пойти с тобой к следователю, – сказала мать. – Но лекцию не смогла отменить: в деканате никто трубку не берет. Наверное, секретарша опять проспала. Наберут всяких шмакодявок – мучайся с ними потом, никакой ответственности...

– Мам, я не маленький, сам справлюсь, – ответил Сергей. – Тем более, что мне не в чем оправдываться.

– Ой, да ладно тебе! Не маленький, – передразнила мать. – Это я уже и так поняла. Мой тебе совет: отрицай всё, ничего не было – и точка!

– Не получится, – вздохнул Сергей. – Я уже раскололся, сказал, что у нас была любовь и всякое такое...

– Дурачок, – ойкнула мать. – Ой, какой дурачок!

– Какой уж есть...

– Ладно, мне некогда, ах, впрочем, мне всю жизнь некогда, – с надрывом в голосе сказала мать, желая показать, как

она, бедняжка, разрывается между родительским и служебным долгом. – Я полетела! Потом поговорим. Ни пуха, ни пера...

– К черту!

Наверное, я извращенец. Когда смотрю на идущих навстречу женщин, то представляю, как, допустим, вот эта молодящаяся матрона в полупрозрачных, так сказать, тюрнюрках, развевающихся вокруг её мощных телес, восторженно падает на колени передо мной, лихорадочно расстегивает ширинку джинсов и начинает сосать – сразу, без всяких там ля-ля да сю-сю, а вон та девица в коротенькой, по самый «пейджер», юбочке подбегает к ней и, оттолкнув, демонстрирует тётеньке искусство глубокого минета, причем, её сочные губки двигаются ритмично как помпа насоса, и пеннистая слюна стекает по подбородку...

Когда вижу красивую женщину, у меня может встать сам собой. И потому я не люблю «семейные» трусы, которые меня заставляют носить отец. У него аргумент такой: «Узкие плавки зажимают яйца, приводят к застою крови и, как следствие, – импотенции. Не гонись за модой, носи нормальные «семейники».

Нет уж, лучше я надену обтягивающие плавки, чем свободные трусы, в которых всё, извиняюсь, свободно болтается. Плавки же, по крайней мере, сдерживают произвольную эрекцию, а если и не сдерживают, то прижимают выпи-

рающий член к телу – со стороны не так заметно, что я возбужден. Правда, всё это у меня сейчас случается не так часто, не то, что, допустим, в шестнадцать– семнадцать лет. Помню, даже у доски, когда отвечал уроки, несколько раз это случалось. Млин! По этой причине пришлось носить пиджаки, которые я терпеть не мог. Пиджак для меня всё равно что униформа. А тут он ещё и чем-то вроде смирительной рубашки стал, подавляя восставшую плоть.

Наверное, я извращенец ещё и потому, что мне очень хочется чего-нибудь необычного. Ну, например, попасть в какой-нибудь закрытый клуб, где его завсегда так и ходят-бродят по темным лабиринтам абсолютно обнажённые. Впрочем, нет, пусть на их лицах будут черные маски, и больше ничего – ни часов, ни браслетов, ни колец и других украшений. Голые люди натывают друг на друга, соприкасаются телами, молча целуются, ласкают одного-двух-трёх партнёров, безумно отдаются порочной страсти и, забыв о всяких приличиях, делают то, чего тайно желали в порочных снах и от чего покраснели бы даже самые искушённые распутники.

Мне стыдно признаться самому себе в этих и других низменных желаниях. Нормальный человек должен хотеть человеческих отношений, а не блуда. Так мне внушает дед. Кажется, он понимает, что творится со мной. А может, дед не забыл, как сам был молодым? «Мужчиной должен двигать не стержень между его ног, а тот стержень, что внутри, – сказал мне дед. – Нельзя прыгнуть выше своего члена, но всегда

можно подняться выше своих страстей». При этом он, правда, горько усмехнулся и опустил глаза.

Наверное, я всё-таки развратный. Потому что иногда думаю, что любовь – это всего лишь маска, прикрывающая наши самые низменные вожделения.

А, может, я думаю так лишь потому, что у меня ещё не было настоящих чувств?

А, может, я и не развратный вовсе. Это всего лишь тело. Тело жаждет другого тела. Оно хочет тепла. Тепло возникает от трения...

О, боже мой, снова пошлость!

А хочется-то всего-навсего, чтобы другой человек понимал тебя. И твои желания. И всё, что ты сам даже сказать не можешь, – понимал. И чтобы ты был им, а он – тобой. Может, это и есть любовь?

Но всё равно я – извращенец.

Когда я иду по улице и вижу красивых женщин, а порой даже и не красивых, а самых обычных, можно сказать – самых простых, со мной что-то происходит: возникает желание обладать ими всеми, и с этим ничего не поделаешь, разве что навстречу мне выйдет одна-единственная, и все остальные сразу станут мне не нужны...

3.

У подъезда Сергею встретилась Марго. Она, как обычно,

изобразила быстрый, смешной книксен: присела, приподняв растопыренными руками воображаемый подол и потрясла им.

– Трям! – сказала Марго.

– О! А почему мы такие радостные?

– Мы всегда радостные, когда вас лицезреем, сир, – улыбка Марго стала ещё шире.

– А я думал, причина другая: книжечку наконец-то дочитала, – Сергей кивком головы показал на бледно-серый томик в руке Марго. – «Преступление и наказание». На лето задали читать по программе?

– По программе, – насупилась Марго. – Но мне Достоевский нравится просто так, без всякой обязаловки...

– Умная девочка, – снисходительно похвалил Сергей. – Главное – предисловие к «Преступлению» проштудируй, текста романа можешь вообще не знать, а вот предисловие – обязательно: для выпускного сочинения всё равно ничего другого не потребуется.

– Сир, вы так восхитительно умны, – Марго игриво закатила глаза. – Ах, я бы сама до этого ни в жисть не додумалась. Я бы, дура, «Сто золотых сочинений» наизусть заучивала...

– Учись, детка, пока я на свободе, – усмехнулся Сергей. – Будешь потом вспоминать меня.

– Моя память и так уже переполнена вами, сир, – вздохнула Марго. – Просто битком набита!

– Ну, если так, то я пошёл искать других – у кого в памяти

ещё осталось местечко, – Сергей подмигнул Марго. – Ты не против?

– А можно мне с вами, милорд? – попросила Марго. – Я не буду мешать, чес слово! Я тихонечко рядом пойду, и даже говорить ничего не стану, если ты не захочешь...

– Нет, Марго, со мной нельзя, – вздохнул Сергей. – Я иду туда, куда приличные девочки из хороших семей не ходят.

Марго вскинула на него отчаянно веселые глаза и вдруг хлопнула книгой по его плечу:

– Сколько тебе ещё намекать, что приличные девочки тоже могут делать неприличные вещи?

– А вот это я с малолетками не обсуждаю, – отрезал Сергей. – Пока! Книжечка-то ждёт. Читай, детка, читай, книга – источник знаний как-никак.

Он махнул рукой и, не оборачиваясь, пошел дальше – мимо лавочки, которую уже оккупировали старушки, мимо запыленного куста сирени, который садил вместе с отцом лет десять назад, мимо высокой деревянной коробки, некогда изображавшей сказочный домик, но предприимчивые дачники ободрали с неё сухие дощечки, резные ставенки с наличниками, и даже флюгер в виде петушка унесли – в этом остане теперь вечерами курили малолетки и, судя по валяющимся там презервативам, познавали взрослые стороны жизни.

Сергей чувствовал, как Марго смотрит ему в спину – не отрывая взгляда, может быть, даже испепеляя его: он по-

ёжился, представив себе горящие глаза соседской девчонки. Ну, чего она навязывается, малявка? Шестнадцать лет, недурна вроде собой, забавная такая, а эти ямочки на щеках – просто картинка! Парни-ровесники должны за ней увиваться, и увязываются, кстати: то какой-то очкарик стоит под дверями с видом великомученика, то длинновязый, спортивный пацан сумки ей из магазина помогает нести, а недавно даже Трамвайщик на неё внимание обратил: «Это кто такая? Та самая Маргарита? Вау! Хорошая тёлочка. Почему ты её до сих пор не покрыл?» Сергей отшутился в том смысле, что не занимается любовью там, где живёт, и не живёт там, где любит. «Мдя, принцип, проверенный опытом предыдущих поколений, – осклабился Мишка. – Такие девчонки, как она, если и дадут, то потом фиг от них отвяжешься. А вы ещё и на одной лестничной площадке живёте. Тогда я тебе перестаю завидовать и отношусь к ситуации с полным пониманием. И сам её не стану клеить, а то ведь девчонка начнет меня через тебя доставать. Зачем тебе лишние хлопоты?»

Сергей хотел сказать, что Маргарита навряд ли обольстится таким прощельгой, как Трамвайщик, но решил помолчать. Его дружок, когда входил в раж, любил заключать всякие дурацкие пари. Вот и на Марго мог бы поспорить, и, кто знает, эта дурашечка ещё и повелась бы на него: Мишка умел разыграть влюбленного, и язык у него подвешен, и знает, как обходиться с девчонками, мечтающими о большой и чистой любви. «Ха-ха! – смеялся этот невыносимый потаскун Трам-

вайщик. – Они и получают её в виде большого и чистого: я моюсь по три раза на день, ха-ха!»

Но как бы то ни было, а у Маргариты при желании мог бы появиться постоянный кавалер. Она же почему-то выбрала Сергея и делала всё возможное, чтобы обратить его внимание на себя. Подумать только, даже Наталье Ивановне постаралась понравиться. Как-то подкараулила её во дворе и спросила, есть ли у них дома афоризмы Ларошфуко. Мать, наверное, от такого вопроса чуть в обморок не рухнула. Во всяком случае, она потом с восторгом рассказывала Сергею: «Представляешь, школьница интересуется не какой-нибудь „Королевой Марго“, а величайшими памятниками всемирной литературы! Ну, скажи на милость, кто из твоих знакомых девочек читает теперь размышления гениальных французских моралистов? Ник-то-о-о! Прелестная девочка, скромница – сразу видно! Я потрясена. Думала, что среди нынешних девиц такие уже и не водятся».

Книги Ларошфуко или Дидро Маргарита брать брала, но при этом не забывала попросить, уже у Сергея, очередной томик Дюма-отца из его «огоньковского» собрания сочинений. Ей почему-то очень понравилась именно «Королева Марго», которую мать как раз относила к несерьёзной, потребительской литературе. Девушка укоротила своё имя в честь Маргариты Наваррской, а в её речи появились всякие «сир», «милорд», «рада лицезреть вас» и прочие витиеватости. Они поначалу забавляли Сергея, но теперь казались ему какими-то

ми-то слишком натянутыми, если не сказать хуже – дурацкими.

В милиции с ним общались, конечно, без всяких витеватостей. Следователь разве что поразил улыбкой – чуть насмешливой, но, кажется, вполне искренней. Прищурился, чтобы казаться, наверное, более проницательным, он спросил Сергея, не догадывался ли тот, что Екатерина Петровна Бурняева (о, как официально Катюку назвал!) занимается мошенничеством.

– Что? – Сергей сразу и не понял, что мент имел в виду, а когда понял, то даже возмутился:

– Да как вы смеете такое о ней думать?

– О том, что я о ней думаю, лучше помолчу, – усмехнулся следователь и погладил кончиком указательного пальца свои усы. – Она мне сразу шалавой показалась...

– Не называйте её так!

– Что-то я не пойму тебя, парень, – следователь изумленно приподнял правую бровь. – Эта девица хочет подвести тебя под статью об изнасиловании, а ты сопли тут распускаешь: «не смейте её так называть», – передразнил он. – Знаешь, что с насильниками на зоне делают? Опускают их, у параша спать заставляют, и все, кому секса хочется, этими «петухами» пользуются. Вот что тебя ждало!

Сергей подавленно молчал. Он и сам не мог понять, почему опять принялся защищать Катю. Да, конечно, своим заявлением она доставила ему и его семье кучу неприятно-

стей. Этот поступок никак в голове не укладывается! Он даже поначалу решил, что Катюку кто-то заставил так сделать, но из каких побуждений – опять-таки, совершенно непонятно. Девушка не казалась Сергею какой-то оторвой, стервой, непотребной девкой – он бы и отношений не стал поддерживать, если бы Катерина такой оказалась. Он помнил её нежные прикосновения, все слова, которые она шептала ему на ухо, и, конечно, помнил, как она двадцать один раз позвонила ему в тот день, когда он простудился и слёг с высокой температурой. Всякие советы ему давала – как мёд с чайной ложечки сосать, и чтоб аспирин, зая, не глотал целой таблеткой, а истолок ее в порошок, и грозились привезти ему малинового варенья – сама с бабушкой варила, но он не хотел, чтобы она видела сопливого, чихающего и кашляющего зайчика с красными глазами. Ну, разве плохая девочка? А то, что она позвонила ему двадцать один раз, – это Наталья Ивановна сосчитала: в их телефоне была специальная записная книжка, в которой автоматически отмечались все звонки. «О! – сказала мать. – Какая у тебя беспокойная подружка! Звонит и звонит... Лучше бы позаботилась о твоём отдыхе, чтобы поспал, отлежался. А она – тррр да тррр!»

Чёрт побери, мама, наверное, была права. Ему бы отлежаться, покемарить, а не по телефону ворковать. Но, с другой стороны, лучше всех лекарств на него действовал голос Кати – тихий, спокойный и какой-то очень близкий. Или ему это только казалось?

– Она умела сделать так, чтобы её мужикам казалось, будто она без памяти влюблена, – продолжал говорить следователь. – Ты не исключение. Эта пройдоха с кем попало в койку не укладывалась – сначала изучала материальное положение партнёра, его социальный статус и, если видела, что у мужичка кошелек толстый, соглашалась с ним на интимную близость. При этом Екатерина старалась изучить и запомнить всякие интимные детали. Ну, признайся, она тебе тоже член линейкой измеряла? И разглядывала его, да?

– Какое ваше дело? – возмутился Сергей.

– Ты меня удивляешь, парень, – поморщился следователь. – Я тебе толкую о сценарии, который эта мошенница применяла для своих походов. Покувыркаясь с мужичком, она тут же бежала в ближайшее отделение милиции, по пути рвала на себе колготки, расцарапывала руки-ноги, размазывала тушь-помаду по лицу, в общем – бедная, несчастная овечка, ставшая жертвой сексуального маньяка. Девушка заявляла, что подверглась изнасилованию, писала соответствующее заявление и, что характерно, указывала в нем такие интимные подробности, которые можно узнать только при очень близких отношениях.

– Зачем она это делала? – Сергей искренне удивился. – Ненормальная, что ли?

– Очень даже нормальная, – следователь выругался. – Мужик, которого она обвиняла в изнасиловании, терял голову: все факты против него, к тому же твоя разлюбленная Катень-

ка...

– Какая она мне разлюбезная? – огрызнулся Сергей.

– ...ну-ну, то ты за неё горой стоишь, то от своих слов отказываешься, – следователь лукаво прищурился. – В общем, твоя разлюбезнейшая представляла еще справки медэкспертизы, в том числе и спермы, прикинь! Так что мужику впору было собирать вещички, чтоб по этапу идти в места не столь отдалённые. Но Бурняева, – он снова усмехнулся и восхищенно цокнул языком, – вдруг звонила ему и предлагала: я, мол, забираю своё заявление, а ты платишь мне за доставленное удовольствие энную сумму. И «насильнику» ничего иного не оставалось, как откупиться от неё.

– А, вот как! – вымолвил поражённый Сергей. – Значит, она не только со мной так поступила?

– Лохов хватает, – уклончиво ответил следователь. – Теперь ты должен написать заявление. Мошенница обязана сидеть в тюрьме.

– Подождите, – Сергей покрутил головой, – я ничего не понимаю... Как же так? Неужели она такая умелая актриса? Всё было по-настоящему...

– Ну, Бурняевой не привыкать по-настоящему трахаться, – следователь добавил ещё пару нецензурных выражений и скривился, будто лимон съел. – И вообще, парень, я тебе скажу: любая женщина – актриса, некоторые очень талантливые, другие – будто из погорелого театра сбежали, но тоже что-то такое выдумывают, чтобы нам, мужикам, жизнь

скучной не казалась, но есть такие уникамы, просто супер, для которых вся жизнь – театр. Вот они-то и разыгрывают самые интересные пьесы, адреналинчик в кровь мужичкам впрыскивают. Катерина из числа этих стерв. И ведь если пораскинуть мозгами, то она в чём-то даже и права: охотников оттянуть красивую деваху много, типа: «Наше дело не рожать – кинул, вынул и бежать», знаешь такую поговорку? – он неприятно хохотнул. – Вот она и скумекала, как в свою очередь оттянуть таких щекотунов.

– Поверить не могу, – покачал головой Сергей. – Неужели?

– Извини, брат, но ты какой-то..., – следовательно замолчал, подбирая нужное определение, но, в конце концов, махнул рукой и вздохнул: Молодой ещё, видно. Думай, что хочешь. Мне от тебя заявление нужно получить.

– Хорошо, – сказал Сергей. – Я подумаю.

– А что думать-то? Вон бумага, ручку сейчас дам, садись за тот столик и пиши, – следовательно кивнул на пустой стол у окна.

– Мне нужно с мыслями собраться, – Сергей встал. – Извините, я, пожалуй, пойду.

Когда он уже открывал дверь, следовательно окликнул его:

– А почему не спрашиваешь, как её мошенничество открылось?

– И как?

– А случайно! – рассмеялся следовательно. – Если бы твой

папик не позвонил одному чину в наше краевое управление, то навряд ли Катька попалась бы так быстро. Стечение обстоятельств: у начальника на столе как раз лежала сводка об изнасилованиях за последний год. И он обратил внимание, что одну девицу трижды насиловали! А тут твой папик звонит и называет её фамилию. Получается, что насильники ей проходу не дают. Ну, начальник гаркнул: «Разобраться!» Мы и разобрались...

– Понятно, – сказал Сергей и закрыл за собой дверь.

Говорить ему ни о чём не хотелось, и вообще ничего не хотелось: сел бы вот сейчас на эту скамью в коридоре и сидел бы, не шевелясь, уставясь в одну точку – так плохо было на душе. Но скамья была занята галдящим цыганским семейством: бородатый мужик в живописной поддёвке с жилетными часами, старуха в цветастых юбках, две молодые смуглянки, увешанные золотом и серебром – как новогодние елочки, сопливые цыганята...

– Эй, молодой-красивый! Что кручинишься? Дай тебе погадаю! – бросилась к нему старуха. Мониста на её сморщенной шее тускло блеснули и тихонько зазвенели.

Цыган заругался, при этом он пучил глаза как разъярённый бык, но выглядел карикатурно: толстый, с лоснящимся лицом, короткие руки, ноги в хромовых сапогах-бутылочках, и вдруг эти деланные жуткие глаза – смех да и только! Смуглянки весело прыснули:

– Да вы что, папа? Бабка за деньги не гадает! Она это дела-

ет бесплатно. И никого не обманывает. Парень это подтвердит ментам...

Старая ведьма схватила правую руку Сергея, быстроглянула на неё, потом проворно ухватила кисть левой руки, повертела её так и эдак, пристально глянула на ладонь и вдруг, тонко хихикнув, выронила её из своих темно-коричневых лапищ.

Сергей не ожидал такого натиска гадалки. Скажет она ему что-нибудь или нет – это его как-то не волновало. Больше всего на свете ему хотелось побыть одному, и чтобы никто его не трогал, и ничего не говорил.

– Скажешь ментам, что бабушка с тебя денег не брала за гадание? – подскочила к нему с вопросом одна из смуглянок.

– Бабушку хотят в тюрьму посадить, а она старая, честная женщина, никому зла не делала, – вторила ей вторая смуглянка.

Сергей молча обошёл их и двинулся к выходу. В груди у него будто покалывали тонкие холодные льдинки, а голова казалась тяжёлой – так, наверное, гнет к земле мельничный жернов, если взвалить его на плечи. Он подумал об этом без всякого юмора, и как-то слишком равнодушно отстранил руку цыганского пацаненка, который попросил денежку. Всё, что было вокруг, казалось ему серым, расплывчатым, каким-то ненастоящим: он чувствовал себя будто под стеклянным колпаком, а, может быть, рыбой, плавающей в аквариуме. Вот, рядом, яркий, волнующий мир, но рыбу он ма-

ло касается: она плавает в своей сфере, и то, что окружает стеклянный куб с водой, её как-то не волнует – она просто не видит другую сферу.

Мысль об аквариуме показалась Сергею вполне подходящей. Глубоко под ложечкой посасывало, и ему хотелось поскорее выбраться на свежий воздух.

– Парень, ты ищешь любовь не там! – крикнула вслед ему старуха. – Твоя любовь – обман. Настоящая – рядом, но ты её не видишь.

Но он даже не обернулся, чтобы хотя бы кивком поблагодарить цыганку за предсказание. Хотя, с другой стороны, Сергей где-то читал, что гадалкам нельзя говорить «спасибо», а почему – он не помнил.

– Гордый ты! Слушать не хочешь старуху? Знай: тебя ждёт удар! – как припечатал старушонка.

Заявление насчёт удара его тоже не впечатлило. «Кажется, я его уже и так получил, – грустно подумал Сергей. – Запоздало твоё пророчество».

Он открыл дверь и невольно зажмурился: после полумрака длинного, дурно пахнущего коридора его ослепило солнце, и лёгкий, ласковый ветерок тут же взъерошил волосы. На клумбе у крыльца подрагивали малиновые, белые, фиолетовые цветы космеи. Что-то деловито склёвывали с асфальта ленивые голуби, возле них суетились бойкие воробьи. Мимо прошествовала осанистая продавщица газет с огромной сумкой на животе. Зычным голосом она заученно твердила:

«Смертельная любовь втроем! Читайте в „Амурском меридиане“! Дочь убивает любовника матери! Читайте в „Молодой правде“! А кому кроссворды, сканворды, знакомства?..»

В общем, жизнь шла своим чередом. И в ней ничего не изменилось, пока Сергей торчал в прокуренном, остро пахнущем дерматином кабинете следователя.

Он достал сигарету, размял её и с наслаждением закурил. К нему тут же подошел неопрятного вида мужичонка, попросил:

– Дай закурить!

И откуда они только берутся, эти попрошайки? Кажется: никого рядом нет, но стоит закурить – тут как тут. И это не смотря на то, что на каждом углу – киоски, лотки, магазины: бери какой хочешь табак, есть дорогой, есть дешевый, даже допотопный «Беломорканал» продают или ту же «Приму», хоть закурись! Сергей обычно отрицательно мотал головой и отвечал, что, дескать, он не табачная лавка. Или вообще ничего не говорил, лишь пренебрежительно морщился. Но мужичонка слишком уж жалобными глазами смотрел на него, и Сергей вытащил из пачки «Парламента» целых две сигареты:

– Возьми!

Тот покрутил сигареты с видом маргышки, которой попались очки, даже недоуменно понюхал их, и вдруг рассердился:

– Это же не «Парламент»! Под крутого, братан, косишь,

что ли? Пачка «Парламента» для вида только?

– Да пошел ты! – ахнул Сергей от такой наглости.

Мужичонка, скривившись, небрежно сунул сигаретки в нагрудный карман обшарпанного пиджачка:

– Ладно. Корешам пригодятся, – и пошёл дальше, припадая на одну ногу.

– А я тоже вчера заметила: пачка от «Парламента», а сигареты в ней другие, – услышал Сергей за спиной. – Привет!

Он обернулся. Надо же: Алина! Одета она была по-другому: серая юбка до колен, белая блузка в изморози узоров, легкие туфли на тонкой подошве – ни дать-ни взять, скромная учительница из обычной школы. Но эта неброская одежда непостижимым образом подчёркивала достоинства её фигуры.

– Здравствуй, – ответил он. – Не ожидал...

Он хотел сказать, что не ожидал, что ей так идет обычная юбка: строгий фасон, оказывается, может быть эротичным, но вдруг подумал, что это дурной тон – говорить такие откровенные комплименты девушке, с которой почти и не знаком. И неоконченная фраза повисла в воздухе.

– Вообще не ожидал меня увидеть? – засмеялась она. – В одном городе живём. Кажется: он такой большой, а на самом деле – маленький.

В её глазах серебрился смех. И он почему-то подумал, что она догадалась насчёт того, какое впечатление она произвела своей юбкой, и, чтобы не смущать его, специально перевела

разговор на другую тему.

– Если бы ожидал, то захватил бы с собой твой колокольчик, – он всё-таки смутился. – И вообще...

– Что вообще?

«Ну, уж, нет! – подумал он. – Не скажу, ни за что не скажу, что очень рад тебя видеть, и что ты – такая потрясная, у меня даже сердце забилось быстрее, вот чёрт, да что же это такое? Не скажу я тебе об этом, Алина, вот что значит моё „вообще“, а может, оно ничего не значит? Но всё равно не скажу...»

– Ещё минуту назад у меня настроение было хуже некуда – вот что! – честно признался он.

– По тебе не скажешь, – она прямо посмотрела ему в глаза. – Что-то случилось?

– Да так, – он неопределенно махнул рукой. – Заморочки всякие. Не будем об этом.

– А я вчера успела-таки выполнить заказ, – похвалилась Алина. – Сегодня мне его даже оплатили. Я как раз собралась транжирить деньги.

– Хорошо, когда есть что тратить.

– И хорошо, когда этим можно заняться с кем-нибудь, – она легко улыбнулась. – Хочешь составить мне компанию?

– Что ты! – он хмыкнул. – Я так не привык! Чтобы на деньги дамы...

– Типа: гусары денег не берут? – Алина иронично изогнула брови. – Я тебе, между прочим, должна. Забыл, что ли?

– Твой колокольчик теперь об этом мне напоминает, – он посмотрел на цепочку на её запястье. – Тебе без него не скучно?

– Мне никогда не бывает скучно, – ответила она и зачем-то уточнила: Не то, что некоторым. Даже удивляюсь. как это может быть скучно, если жизнь такая удивительная, странная, неожиданная, прекрасная и ужасная – в ней всё время что-то происходит, и когда же скучать?

– А для разнообразия разве нельзя немножко поскучать? – не согласился Сергей. – Ну, например, по какому-нибудь человеку, который вдруг куда-то пропал, и не звонит, и «эсмээски» не шлёт, и случайно не встречается...

– Наверное, можно, – легко улыбнулась Алина. – Такие скучания – тоже жизнь, – и неожиданно процитировала: «Если только я тебе не в тягость, То окрой мне, прошу, куда ты скрылся...»

– Ахматова? – спросил Сергей. Из всех женщин-поэтесс он знал только два имени – Ахматова и Цветаева. Правда, дома на книжных полках стояли томики и других дам, упражнявшихся в изящной словесности, но ему как-то всё недосуг было открыть их. Мать порой вздыхала: «Столько книг! Ах, как я их собирала, охотилась за ними, заводила дружбу с букинистами, выпрашивала у знакомых. И вот – библиотека собрана, в ней есть всё, чего душа просит. Но сын, единственный сын, этого не ценит...»

– Нет, – по губам Алины скользнула ироничная улыбка. –

Это Катулл. Он тоскует в стихотворении по своему другу Камерию: «Я бродил под портиком Помпея, Всех там останавливал девчонок, но они ни капли не смущались. Я просил их: «Тотчас же верните Мне Камерия, гадкие девчонки!»

– Он что, голубой был, этот Катулл? – наивно удивился Сергей. – С чего вдруг такая тоска?

– А любовь, она такая разная, – покачала головой Алина. – И цвета у неё разнообразные, а смысл один: человек находит человека, только и всего.

– Всё равно я этого не понимаю, – пожал плечами Сергей. – Развелось всяких извращенцев...

– Катулл жил давным-давно, и он любил жизнь, а в жизни – красивых женщин и мужчин, – уточнила Алина. – Древние не считали это извращением, они считали это чувствами.

– С ориентацией у них, видно, не всё в порядке было, – не согласился Сергей. – Не понимаю, как красивой девушке можно предпочесть волосатого, потного мужика? Фууу...

– Можно не понимать, но при этом уважать чувства другого человека, – сказала Алина. – Не кажется ли тебе, что ощущения – свойства мозга, а он работает по той программе, которую в него закладывают природа, воспитание, среда?

– Ну, может быть, и так, – уклончиво согласился Сергей. – Я в этом не особо разбираюсь. Я – «технар», мне ближе компьютеры...

– Вот-вот! – оживилась Алина. – Сравни мозг с компьютером: какую программу в него заложишь, так он и будет рабо-

тать. Но не свидетельствует ли это о некоторых ограничениях? Возможностей-то у компьютера предостаточно, но они не задействованы. Точно так же и с мозгом, который ориентируют на что-то определенное.

– Как-то всё слишком просто, – не сдавался Сергей. – Человек – не машина!

– Тебе бы с Декартом поспорить, – рассмеялась Алина. – Он считал, что тело – это машина. Нервы в ней можно сравнить с трубами фонтанов. Управляемые моторами, они пронизывают всего человека. Но у этой биомашины есть разумная душа, которая, по Декарту, находится в мозгу. Она, как рабочий при фонтане, управляет всем механизмом. А душа, между прочим, бесполоя: она – частичка божественного огня, вдыхаемого в тело при рождении. И чем развитее человек, тем тоньше его нервы и, следовательно, тем полнее он воспринимает мир, не обращая внимания на всякие табу и ограничения.

– Спасибо, что объяснила теорию Декарта, – Сергей почувствовал себя уязвленным: он не любил признавать чье-то превосходства. – Всё это, конечно, устарело, но любопытно. Наверное, Декарт порадовался бы, если бы ему показали фильм «Матрица». Вот где наворочано!

– Ага, – кивнула Алина и как-то поскучнела. – Весь мир – компьютерная игра. Декарту такое и не снилось. Но мы, кажется, совсем не о том говорили...

– А может, вообще не о том говорим?

– Зато не молчим...

– Но молчание – золото!

– Давай копить его! Помолчим?

– А мне почему-то хочется говорить и говорить, пусть даже – чепуху, лишь бы слышать твой голос...

– Даже так?

– Сам не знаю, почему...

– И я хотела услышать тебя, часа два назад даже звонила, но трубку никто не взял.

– Я как раз ушёл. Дела всякие. Но я ждал звонка...

– Хорошо, что я пошла именно этой дорогой. Хотела ведь дворами пойти – так короче. Но что-то заставило меня выйти именно на эту улицу.

Они заговорили совсем на другую тему, и эта беседа была столь же естественной и непринуждённой, как и диалог о книгах. Сергею снова показалось, что они давным-давно знакомы, просто давно не виделись – и наконец-то встретились, и хочется им наговориться, и рассказать друг другу как можно больше, – это было новое, ранее не изведанное чувство. С Катей он тоже говорил довольно откровенно, но это была, скорее, болтовня, чаще всего эротическая – пожалуй, очень даже откровенная, и это его возбуждало, заводило, но не более того. Алина объяснялась совсем по-другому, и то, чего она касалась даже вскользь, было для него порой чем-то новым, неожиданным, с ней хотелось спорить, обдумывать какую-то мысль, удивляться неожиданным суждениям и, да-

же не соглашаясь с ними, уважать её мнение.

Она была интересна не только внешне. Ещё никогда он не встречал девушку, которая цитировала бы стихи Катулла: его, быть может, не знают наизусть даже студентки педагогического университета. Во всяком случае, Трамвайщик как-то знакомил его с одной девицей из этого вуза – она, не стесняясь, призналась, что ей по фигу все эти литературоведческие премудрости, лишь бы диплом получить и устроиться в какую-нибудь крутую фирму: без высшего образования в приличные места не берут. Ещё она говорила, что многие её однокурсницы точно так же думают, и вообще, мол, канули в Лету те времена, когда по зову сердца и души «институтки из педа» отправлялись куда-нибудь в Тмутаракань сеять разумное, доброе, вечное, уж как-нибудь и без них обойдутся в пьяных, запущенных деревнях, да там ведь и парней нормальных не осталось: либо уроды, либо дебилы – с кем зажигать-то?

С Мишкой, надо сказать, она покувыркалась неплохо и со знанием дела. Может быть, рассчитывала на длительные отношения, а то и на большее. Но Трамвайщик, не изменяя своим привычкам, ласково объяснил ей, что он ни с кем писать роман не хочет, так что соавторша ему не нужна, да и не герой он вовсе, а так – второстепенный персонаж: вот был, и нету. На что студенточка вдруг разразилась таким отборным матом, что портовые грузчики наверняка бы обзавидовались. Трамвайщик даже обомлел. Какой уж тут, к чёрту,

Катулл?

Сергей, конечно, не стал рассказывать Алине об этом случае. У них нашлись другие темы для разговора. А ещё он хотел выглядеть в её глазах лучше, и ему могло навредить упоминание о знакомствах с какими-то сомнительными девицами. Про Мишку он тоже на всякий случай пока не рассказывал, да, впрочем, и нужды в этом не было.

Они сидели в небольшом кафе, где было всего шесть столов, каждый на четыре человека. Всё чистенько, уютно, на окнах – цветущие кактусы, в углу, рядом со стойкой бара, висела клетка с парой волнистых попугайчиков. Пахло свежееобжаренными зёрнами кофе. Бармен в строгом сером костюме молот его на глазах посетителей, щедро клал длинной ложечкой в серебряную джезву и ставил в горячий песок, который калился в специальном корытце-приспособлении. Но Алина захотела кофе-эспрессо, и непременно с тёртым мускатным орехом, а если можно, то и кардамона, совсем чуть-чуть, на кончике ножа. Бармен осветился улыбкой:

– У леди хороший вкус!

– И, пожалуйста, два творожных пирожных с цукатами, – попросила Алина. – И плитка горького шоколада, пожалуй, не помешает.

Бармен вопросительно глянул на Сергея:

– А вам какой кофе?

– Любой, – ответил он. – Но если у вас чашечки маленькие, то сразу две.

– Чашечки у нас обычные – кофейные, – вежливо подчеркнул бармен. – Молодой человек, видимо, любит классический крепкий кофе, и побольше?

– Именно так.

Попугайчики в клетке оживленно переговаривались, прыгали с жёрдочки на жердочку, ощипывались. Но как только бармен включил кофемолку, они, испугавшись резкого звука, прильнули друг к другу и затихли.

– Их тут недавно завели, – сказала Алина. – Видимо, никак не могут привыкнуть к новым звукам.

– Один мой знакомый завёл котёнка, – поддержал тему разговора Сергей. – Зовут его Михаилом.

– Необычное имя для котёнка...

– Да нет! Это парня зовут Михаилом, а котенка – Максимум Геннадиевичем, у него кота-папу Геной кликали. Так вот, Мишка решил приучить Макса ходить по нужде в туалет: поставил там специальную площадку, песочку насыпал, всё такое. Ну, Максик вроде как начал привыкать к своему нужнику, но однажды, когда он там делал свои маленькие дела, Михаил составил ему компанию и, как обычно, в завершении спустил воду в унитаз. Боже, что тут случилось с Максиком – это надо было видеть! Он соскочил со своей площадки, распушил хвост трубой, зашипел и опрометью кинулся вон. А всего-то и было – шум льющейся воды!

– Мой котик до сих пор так реагирует на звук включенного пылесоса, – рассмеялась Алина. – Казалось бы, давно дол-

жен привыкнуть к нему, ан нет, как услышит – хвост трубой и прячется под диван.

– А вообще, Мишка большой приколист, – продолжал Сергей. – Он выдал своему котёнку удостоверение последнего кошачьего девственника.

– Что? – Алина удивлённо приподняла бровь.

– Ну, он решил, что не будет его кастрировать, а чтобы котенок в марте не орал, как другие коты, вынес решение: никаких знакомств с противоположным кошачьим полом, будешь, мол, сидеть дома, вот и «корочки» тебе, котяра, соответствующие выписаны: Котов Максим Геннадиевич – последний кошачий девственник, – рассказывал Сергей. – В этом удостоверении, кстати, для порядка есть графа: «Переаттестация проведена...» Ну, мало ли. Вдруг котик всё-таки начнёт выть любовные серенады, терпение хозяина кончится и придётся либо к ветеринару его нести на известную операцию, либо пусть уж оскоромится мурлыка с какой-нибудь мохнатой чаровницей. Но этот факт должен быть засвидетельствован.

– Веселый человек твой друг, – хмыкнула Алина. – Не удивлюсь, если он считает себя сексуальным.

– О! Себе он тоже выписал удостоверение, – рассмеялся Сергей и хлопнул себя по колену. – «Имя, фамилия, отчество... соответствует эротическим стандартам...» И фото вклеено, и печать поставлена!

– Между прочим, психологи выделяют любовников трех

типов, – Алина глотнула кофе из принесенной барменом чашечки. – Они бывают чувственные, сексуальные и эротичные.

– А в чем разница-то? – не понял Сергей. – Разве в одном человеке всё это не может совместиться?

– Считается, что разница – в глубине переживания, – Алина разломилла плитку шоколада надвое. – Хочешь? Обожаю хороший кофе и горький шоколад!

– А поподробнее можно? – не успокаивался Сергей. Его на самом деле заинтересовала классификация, которую вскользь упомянула Алина.

– Чувственному хотеть стать эротичным так же бесполезно, как посредственности – Эйнштейном, – Алина снова глотнула кофе и даже чуть прижмурилась от удовольствия. – Хороший кофе тут готовят! В других кафе, кажется, и зёрна те же, и кофеварка такая же, а вкус напитка – обычный. Вот и в любви так же: кажется, все мужчины одинаково устроены, а разница есть...

– Ты так говоришь, будто у тебя большой опыт, – заметил Сергей. Специально заметил, чтобы если не смутить её, то хотя бы вызвать на откровенность.

– О себе помолчу, – деликатно ушла от предложенной темы Алина. – Мы, кажется, о классификации любовников говорили. Как это психологи понимают.

– Ах, да-да! – Сергей изобразил на лице преувеличенное внимание и даже подпер голову кулаками. – Я весь во вни-

мании, госпожа профессорша!

– В общем, эти типажи можно сравнить с напитками, – Алина подняла глаза к потолку, будто именно там находились эти сравнения. – Ну, скажем, чувственный – это как шампанское, сексуальный – хорошее выдержанное вино, а эротичный – дорогой коньяк, не ниже «Хеннеси»...

– Ого! – сказал Сергей. – Я «Хеннеси» всего три раза пробовал: первый – на день рождения отца, второй – когда мать какую-то свою монографию издала, устроила дома званый ужин, третий – на Новый год, когда родители решили немного покутить: батя получил дивиденды на свои акции...

– Надеюсь, понял его отличие от обычного хорошего коньяка? – усмехнулась Алина. – Эротичный любовник – это высший пилотаж, не в смысле всяких там поз и способов, а в смысле глубины...

– Извини, у него длинный член, что ли?

– Не пошли, – нахмурилась Алина. – А то я тебе, как уличная девчонка отвечу: «Не в размере дело – главное: вводить умело»...

Сергей сконфузился, и от смущения проглотил целиком маленькое творожное пирожное. Во всяком случае, создавалась видимость, что он ест и, следовательно, его молчание вполне объяснимо.

– Чувственные – это мужчины, легкие на подъём, игривые, беззаботные, доступные, в каком-то смысле кокетливые, но поверхностные, – как ни в чём не бывало продолжа-

ла Алина. – У сексуальных глубина иная, это не просто «хочу – не хочу», они часто холодные, продуманные, включают интеллект даже в сексе: прекрасно знают, чего от них ждёт партнёр и знают, как доставить ему наслаждение. Ну а эротичные – не обязательно мускулистые красавцы, и с размерчиком, – она усмехнулась, наблюдая, как смущенный Сергей запивает пирожное кофе, – у них даже могут быть проблемы, но в отношениях с ними задействовано всё – и тело, и голова, и сердце. Они мыслящие и интересные, высший пилотаж, настолько индивидуальны, что вторых таких просто нет в природе.

Сергей вдруг подумал, что Алина, возможно, – тоже «высший пилотаж». Она умеет выделяться даже с помощью одежды. Пока они шли к кафе, навстречу им двигались бесчисленные девицы – длинноногие, с дорогим макияжем, но все, как на подбор, максимально обнаженные: мини-декольте, шортики-трусики, кофточки-бюстгалтеры, и что-то кружевное, чёрное, похожее на оборки нижнего белья, и само нижнее бельё, выглядывающее из-под юбочек-призраков, – вся эта рать демонстрировала неплохие формы, дорогую косметику, и над ней пульсировало удушливое облако из ароматов духов, дезодорантов и прочей парфюмерии.

От них, таких разных и в то же время одинаковых, исходил один импульс – свободного отношения к сексу, но это уже казалось настолько обычным, что взгляд холодно и ровно скользил по ним, чтобы опять обратиться на Алину. Под

её скромным нарядом угадывалось красивое тело, но оно вообще не обещало доставить сумасшедшее удовольствие. Каждое её движение подчеркивало лёгкость, изящество плоти, которая может свести с ума, но это ещё нужно заслужить.

– Ну что? – Алина вздохнула. – Лекция закончена. Пора двигаться дальше. У меня еще кое-какие дела на работе.

– Кстати, где ты работаешь?

– Любопытной Варваре нос отломали, – покачала головой Алина. – Секрет фирмы не разглашаем. У нас подписка!

– Такая строгая конспирация?

– Ага, – легко улыбнулась она. – Не люблю говорить о работе. И сама никогда не спрашиваю, кто где учится или работает. Извини, мне человек интересен как человек, а не в связи с его социальным статусом...

– Ох, как ты меня отбрила! На полном серьёзе, – изумился Сергей. – А всего-то был невинный вопрос...

– Больше не буду, – она примирительно положила ладонь на его руку. У него даже мурашки пошли по коже: теплая, ласковая ладонь, казалось, излучала какую-то особую энергию. Ему захотелось, чтобы она сейчас же, немедленно обняла его. И чтобы эта ладонь неторопливо спускалась по его спине, и гладила его, и ласкала бы, а другая рука обхватила бы его за пояс и, чуть надавливая, заставила бы его прижаться к её телу плотнее, и чтобы она полуоткрыла губы, и в них влажно блеснули её зубки, и она, чуть прикусив язык, смотрела бы на него прямо, не закрывая странно посветлевших

глаз, и там, в глубине зрачков, вдруг вспыхнул бы огонёк...

Ему хотелось, чтобы она не убирала ладонь, но Алина, легонько пожав его плечо, отстранилась от него.

– Кстати, я тут в пяти минутах ходьбы живу, – сказал Сергей, сглотнув накопившуюся слюну и подумав: «О, чёрт! Вот уж действительно: слюнки текут...

– Хороший у тебя район – зелёный, чистый, уютный.

– Хочешь, зайдём ко мне, и я верну тебе колокольчик...

– Колокольчик – это предлог? – Алина легко сощурилась и подмигнула. – Предлог, чтобы заманить в постель неопытную, ничего не подозревающую девушку?

Он смутился и кашлянул:

– Да что ты!

А сам подумал: «Надо же! Она говорит прямо, не стесняясь».

– Нормальное желание, – сказала Алина. – Ты не стесняйся его. Было бы странно, если бы не хотел понравившуюся тебе девушку заманить в постель.

– Ну, не сразу же! – смущаясь ещё больше, выпалил Сергей и тут же мысленно осадил себя: «Тише! Ты что, дурачок? Она же намекает, что, типа, не против».

– Правила приличия устанавливают сами люди, – ответила Алина. – Сразу – не сразу – это всего лишь ритуал. Мне не нравятся ритуалы. Что предосудительного в том, если девушка на минутку зайдёт к молодому человеку, даже не в гости, а по делу? Ты вроде как вполне благовоспитанный чело-

век и не станешь сразу, как повернешь ключ в двери с обратной стороны, набрасываться на меня и делать свое мужское дело. Тебе для этого нужно какое-то время, ты соблюдаешь приличия. Так что, пожалуй, я зайду...

Он вздрогнул, и сладкие мурашки поползли по его спине, а в груди похолодело и вдруг – бум, бум! – оглушительно забилось сердце.

– Кстати, ты когда-нибудь встречал такого человека, которого тебе сразу же хотелось узнать поближе? – вдруг спросила Алина.

Сергей кивнул и хотел сказать, что это была Катя, но Алина, не ожидая ответа, продолжила:

– Это желание появляется глубоко внутри, вызывает какое-то сладкое, до покалывания в сердце, волнение и что-то вроде предвкушения радостей и

сюрпризов, которые будут у тебя, когда ты лучше узнаешь вот этого, только что впервые увиденного человека. Бывало у тебя такое?

Он снова кивнул, но сказать ничего не успел, потому что Алина улыбнулась и, приложив указательный палец к своим губам, полусшепотом сказала:

– Тсс! Я знаю, что ты вспомнил какую-то девушку. Но считается неприличным в присутствии одной девушки говорить о другой. Я-то, правда, так не считаю, но всё же надлежит соблюдать правила ритуала. Знаешь, мне просто интересно, что у тебя появляется сначала: представление о том,

как приятно быть с этим человеком, а потом желание познакомиться с ним поближе или, наоборот, сначала возникает желание познакомиться поближе, а потом ты начинаешь представлять себя вместе с этим человеком?

– Никогда не задумывался об этом, – признался Сергей. – Но у меня было такое чувство, будто какая-то сила невольно потянула меня...

– Это твой демон, – Алина встряхнула волосами и легким движением ладони поправила причёску. – У каждого человека, по восточным поверьям, есть демон, который охраняет его. И когда он встречает демона другого человека и тот ему нравится, то он подталкивает своего подопечного на встречу...

– Ах, вот оно что! – Сергей дурашливо поморщился и схватился за голову. – Во всём виновата демоническая сила! А я-то, лох, считал, что это – чуйства, – он скорчил недоуменную гримасу, – но это, оказывается, мой чёртик виноват...

– Не чёртик, а демон, – с важным видом поправила Алина и, не удержавшись, расхохоталась. – Чёртик – это, извини, из другой оперы: он заведует чисто мужским оружием, – она слегка смутилась и прикусила губу. – Демон действует намного тоньше.

– Ты прямо демонолог какая-то! – подначил её Сергей. – И как же ты обходилась без своего колокольчика, отгоняющего злых духов?

– Я тебе потом расскажу – как, – Алина таинственно улыбнулась, её глаза сверкнули. – Но ты так и не ответил на мой вопрос.

– Правду сказать? – Сергей пристально посмотрел ей в глаза.

– Если будет неправда, то я почувствую это, – улыбка тенью скользнула по её лицу. – А вообще не люблю, когда врут...

– Ладно, – он изобразил на лице полную обреченность и нарочито глубоко вздохнул, – от тебя ничего не скроешь. Сначала я представляю себя с незнакомой девушкой, а уже потом хочу познакомиться. Или не хочу. А если даже и не хочу, то всё равно захочу, если она загорится желанием. Но это ничего не значит. По крайней мере, для меня.

Он привирал, потому что на самом деле был довольно скромным, но ему хотелось изобразить из себя эдакого Казанову: если женщина хочет, то её вожеление должно быть удовлетворено.

– Хочу – не хочу, – передразнила его Алина и мило улыбнулась. – Ты представляешь себя с незнакомкой в интимной ситуации?

Сергей снова смутился, но вида не подал.

– Наверное, каждый мужчина, глядя на женщину, думает, стал бы он или не стал бы заниматься с ней любовью, – уклончиво ответил он. – А у вас разве не так?

– У нас не совсем так, – Алина вздохнула. – Иногда мы

думаем, например, хотели бы иметь от этого мужчины детей или нет. И вообще, давай сменим тему. Не люблю говорить о страсти и всяком таком. Иногда это выше нас, не так просто, как ты объяснил: хотел бы – не хотел...

– А о чем тогда поговорим? – спросил Сергей. – Может, о погоде? Ах, леди, какое солнце сегодня яркое, и на небе ни облачка, – он дурашливо изобразил чопорность. – У нас, в Англиях, завсегда говорят о погоде, если поговорить больше не о чем...

– Сэр, мы можем поболтать о последних кинофильмах, – в тон ему ответила Алина. – Или, например, о модных книгах – скажем, тех, что пишет японец Мураками. Вы, сэр, читали его «Норвежский лес»?

– Нет, леди, я лишь слышал о таком писателе, – смутился Сергей. – Но у нас дома его книги есть. Маман обожает Мураками.

– А у меня их нет, – вздохнула Алина. – Я у знакомых беру Мураками. Мне нравится, как пишет о жизни: у него люди – живые, настоящие, они тоскуют, слушают музыку, ходят в кафе, пьют кофе или что покрепче, занимаются любовью, встречаются-расстаются, разговаривают обо всём и ни о чем, и всё это – жизнь, одна-единственная, неповторимая и потому прекрасная.

Они вошли во двор дома, где жил Сергей. Над палисадником с кустистыми рябинками и чахлыми березками вилась стая мух: кто-то сбросил с балкона пакет с рыбьей тре-

бухой – ну что за соседи такие, лентяя к мусоропроводу сходить! На неухоженном газоне с пыльной светло-зелёной, рахитичной травой валялись скомканные полиэтиленовые пакеты, старые газеты, поломанные детские игрушки, пластиковые бутылки и даже использованные презервативы: это надо же, не полениться подойти к окну, чтобы выбросить их. Зато над клумбой с разноцветной, пышной космеей, желтыми ноготками и темно-зелеными, ещё не расцветшими георгинами весело порхали бабочки и гудели пчелы, а может быть, и осы: по крайней мере, над кухонным окном квартиры Сергея у них было гнездо в виде серой бумажной розочки.

За клумбой ухаживала баба Ксения, жившая в однокомнатной квартирке на первом этаже. Можно сказать, что это была её собственность: она сама вскапывала клумбу, рыхлила почву, готовила рассаду цветов, холила-лелеяла их всё лето. Если кто-то из расшалившихся детишек нечаянно запузыривал в клумбу мячиком или, не дай Бог, ломал веточку георгина, то баба Ксения, дежурившая у окна, тут же выскакивала во двор, ловила нарушителя, выпрашивала, как его зовут, в какой квартире живёт, и непременно вечерком являлась к его родителям. А поскольку она была донельзя занудливой и не меньше часа рассказывала, как она, бедная и одинокая старушка, глубоко страдает из-за поруганной красоты клумбы, то папаши, обезумевшие от её стенаний, непременно брались за ремень и вкатывали мальцам по первое число, чтоб впредь неповадно было играть около бабуськиных

зеленых питомцев. Сергею, кстати, тоже в своё время из-за бабы Ксени досталось. Зато клумба и вправду была дивной, настоящее украшение их полузапущенного двора.

К удивлению Сергея, возле неё, согнувшись в три погибели, копошилась Марго: она занималась прополкой.

– О! Юная тимуровка помогает престарелым цветоводам-селекционерам! – воскликнул Сергей.

– О! – в тон ему откликнулась Марго и засияла улыбкой. – А вы, сир, возвращаетесь с прогулки, и с прекрасной дамой!

Алина непринужденно улыбнулась и, явно дурачась, посмотрела по сторонам:

– А где она, эта ваша, Сережа, прекрасная дама?

Марго распрямилась и, тыльной стороной ладони отбросив прядку волос со лба, бесцеремонно оглядела Алину с ног до головы.

– Мне баба Ксения разрешила травку прополоть, – сообщила Марго. – У неё что-то вроде радикулита приключилось – вся скрюченная, стонет, но, надо же, всё равно с утречка возле клумбы ползала. Мне её стало жалко. Она же и для нас всех старается: цветы – украшение двора...

Всё то время, что она говорила, Марго не сводила глаз с Алины. Кажется, она пыталась найти в ней какой-нибудь изъян, чтобы сделать колкое замечание. Когда надо, соседка Сергея была настоящей язвой.

– А что? – вдруг спросила она. – Сейчас в моде скромные училки начальных классов?

– Чего? – не понял Сергей.

– Твоя дама выглядит как моя первая учительница – Татьянапаловна, – пояснила Марго и как-то слишком нагло подмигнула ему. – Скромная, наверное. Не то, что я.

– Девочка, – ледяным тоном произнесла Алина, – а не пойти ли тебе в куколки поиграть? Молодой человек, девочка, – это не игрушка. От контактов с ним могут быть неприятные последствия. Разве мама тебя этому не учила?

Марго сконфузилась и отвернулась.

– А ты, оказывается, Казанова местного масштаба, – пошутила Алина, поднимаясь с Сергеем по лестнице. – Эта девочка явно в тебя влюблена...

– Малявка, – отмахнулся он. – Фантазии одни в голове! Напридумывала себе что-то...

– А что? – не унималась Алина. – У вас, кажется, неплохая разница в возрасте – лет пять. Так? Она, наверное, в выпускной класс перешла, да?

– Ну да, – подтвердил он. – Круглая отличница, кстати. На золотую медаль тянет.

– Вот и будет тебе невеста, медалированная – засмеялась Алина. – Симпатичная девчонка. Со временем красавицей обещает стать. Может, ещё и Мисс Ха станет, если, конечно, захочет в эти игрушки играть. Умные девушки в миссы обычно не идут. Но девчонка она симпатичная, поверь мне. У меня глаз-алмаз.

– Верю, – вздохнул Сергей. – Но я сам как-нибудь разбе-

русь...

Он открыл дверь. Алина прошла вперед и, не разуваясь, села в коридоре на пуфик у телефона.

– Может, хочешь холодной воды или, напротив, чая? – неловко спросил он.

– Спасибо, не откажусь от воды, – сказала она. – Есть газированная?

– Проходи в комнату, – предложил он. – Я сейчас.

На кухне через вентиляционную решетку снова слышались эти странные, ритмичные постукивания, напоминавшие скрип пружин панцирной сетки. Сергей уже давно не обращал на них внимания: эти звуки раздавались в любое время суток. Сначала он решил, что соседи наверху неугомонно любят друг друга, и звуки вроде как подтверждали эту версию: пружины пели то нежно, чуть слышно, то вдруг срывались на резкий, нервный перестук, то, на несколько мгновений замерев, взрывались какофонией бешеных ритмов, после чего снова слышалось медленное, ленивое постукивание, будто бы кто-то нехотя раскачивался в гамаке, висящем на скрипучих сучьях. Но поскольку ни одному, даже самому крепкому и выносливому мужчине, навряд ли под силу заниматься круглосуточным сексом, да ещё каждый день, то Сергей разгадал эту загадку по-другому: наверняка в вентиляционную шахту попала какая-то хренотень, которую шевелят потоки воздуха, недаром же в ветреную погоду эти чёртовы постукивания усиливаются. А впечатление та-

кое, будто бы в ненастную погоду в любовников вселялись неистовые демоны, заставлявшие их отдаваться друг другу безоглядно.

Он прислушался. Сквозь перестук пружин явственно донёсся женский протяжный смех, в него ворвался тяжелый бархатистый голос мужчины – слов не было, лишь что-то похожее на лошадиное торжествующее ржанье. И тут он вспомнил, что Трамвайщик рассказывал ему, как однажды во время оргазма неудержимо разразился конским гоготом, даже сам не ожидал, что так выйдет, что уж говорить о партнерше, которая, впечатлившись, вцепилась в его спину острыми ногтями.

– Ё! Да когда же они насытятся? – подумал Сергей. – Если это, конечно, звуки секса, а не какой-нибудь железячки в вентиляции...

Мужской голос смолк, и женский, вскрикнув, тоже затих, но медленные ритмичные звуки не прекратились.

Сергей налил в высокий стакан боржоми, положил на любимый материн мельхиоровый поднос два розовобокых персика, с нежным пушком, как у шариков для бадминтона. Когда вгрызаешься в мягкую плоть такого персика, из него брызгает мутный сок и бежит по губам.

Когда он вернулся в комнату, Алина стояла у книжного шкафа и перелистывала небольшую изящную книгу в яркой обложке.

– А знаешь, – сказала она, – я, пожалуй, снова оставлю те-

бе колокольчик. В залог. За «Призраки Лексингтона». Если ты мне, конечно, разрешишь взять книгу. Я еще не читала эти рассказы Мураками.

Ненавижу Мураками! Все как с ума сошли: «Мураками, ах-ах, Мураками!» Ну и что? Писатель как писатель. Разве что культовый. До того культовый, что уже и майки с его портретами продают, и «сидюшники» с любимой мураками-ной музыкой штампуют, и сайты фанов в Интернете заводят, и чуть ли не каждое его слово комментируют и трактуют...

Меня тошнит от всякой культовости. Потому что это чем-то похоже на толпу, которая восторженно марширует колоннами мимо предмета своего обожания. Восторженная до того, что ничего и никого не замечает вокруг.

А мне надо, чтобы Алина заметила меня. Но она пока что замечает в моём доме Мураками.

А как же я?

4.

«Снова решил вести записи. Что-то вроде дневника. А может, это самоотчет? Или что-то другое – например, попытка понять себя. Или не себя? Может, я хочу постигнуть Алину. Хотя иногда мне кажется, что другого человека незачем разгадывать (не то слово, но другое пока на ум не приходит). Человек – шарада. Пусть и остаётся шарадой. Потому что ес-

ли её отгадаешь, то, возможно, станет скучно: всё ясно и понятно, нет никаких загадок – конец: если просто и понятно, то стоит ли продолжать? Уже ничего нового не будет, только – то, что было, всегда – одно и то же. Или я не прав? Может, это я – скучный и ясный, как пять копеек? А тот человек, которого считаю разгаданным, на самом деле не постигнут: в его шараде скрываются другие загадки, только я их не вижу или не хочу видеть. Потому что так мне удобнее.

Какую-то чушь пишу. Упражняюсь в логике, что ли? Или играю в слова? Я и сам себя не понимаю. Как же я тогда пойму другого человека?

Трамвайщик сказал: «Не загружайся! Будь проще. Всё на самом деле гораздо проще, чем мы себе придумываем».

Может, он прав?

Я ему не рассказываю, как и что у нас с Алиной. О Катьке – рассказывал. Всё! Об Алине, вернее, о том, как мы любим друг друга, – нет, не могу почему-то рассказать Мишке. Может, потому что у нас с Катькой был всего лишь трах, а с Алиной – совсем другие отношения: у меня сердце замирает (серьёзно, не вру!), когда я её вижу, только вижу – и уже всё, дыханье перехватывает, и сердце будто останавливается, и я даже соображать перестаю... Ха! Если маман случайно найдет эти записи, она же с ума сойдет: её благовоспитанный сыночек знает такие слова – из жаргона подворотни, и мало того, что знает, так ещё и ... ха-ха! Маман, не читай, пожалуйста, дальше, сама знаешь: разбирать чужие письма

и дневники – занятие, недостойное интеллигентного человека... ха!

Но Мишка, кажется, и так всё понял. «Смотри! – сказал он и как-то слишком снисходительно глянул на меня. – Не закрывай глаза! Мужчина должен видеть, куда идёт. Иначе можешь так упасть, что костей не соберешь. На свете нет ничего глупее, чем влюблённый мужчина. Смотри!»

Я смотрю. Наверное, не так, как надо бы. Мне нравится смотреть на Алину. На её лицо, глаза, нос, на эти легкие завитки волос над её ушами, и на шею, на которой бьются две голубые жилки, и на руки, на грудь (ещё больше мне нравится трогать розовые пуговицы сосков: проведешь мизинцем – и они почти моментально твердеют, становятся тугими как горошины) ... А еще мне нравится смотреть, как лёгкая ладонь Алины скользит по моей груди, задерживается в ложбинке, где, наверное, находится душа: она сладко замирает, до дрожи под сердцем, и мне кажется, что вот-вот, сию минуту я поднимусь в воздух – лёгкий, как перышко, но Алина ведет ладонь дальше, к животу, и тут во мне будто бы что-то включается: тело напрягается, следует резкий, почти болезненный удар – какой-то мощный поток (крови? энергии? или чего-то еще?) вливается в давно полунапрягшийся член, и он превращается в копьё, которое, кажется, стремится оторваться от меня – так велико напряжение, и оно вздрагивает, и розовое сердечко древка окропляется прозрачными каплями: оружие готово к бою... (Зачем, ах, зачем, я пыта-

уюсь писать красиво? Мишка бы сказал проще: «Х*й встал». И это было бы правдивее, чем мои описания? Но мне почему-то не хочется писать о физиологии. Потому что я вижу не её, а что-то другое? Хотя... ну, конечно же, Трамвайщик прав: я в это время закрываю глаза, и всё, что вижу потом, – это моё воображение, не более).

Нет, не могу писать дальше. Иначе не усну.

Пусть что-нибудь произойдёт. Ну, хотя бы дождь пошёл. Или грянул гром!

Ничего не происходит.

Четвертый день жду, когда распустится бутон розы. Она растёт в горшке на окне в моей комнате.

Но бутон словно застыл.

И ничего не происходит.

Сегодня мне показалось, что Алина – лисица.

Нет, я не сошёл с ума. Женщина может оказаться лисичей!

Алина рассказала мне, что в Древнем Китае считали, что лиса может принимать образ женщины. Она обольщает мужчину, пьёт соки его жизни и, насытившись, бросает умирать. Ни один человек не способен противиться любви лисичей, и никому не удавалось уйти от её пагубных чар. Появление яр-

кой красавицы в серой убогой жизни – это, конечно, само по себе чудо, и мужчина без оглядки погружается в мир счастья, которое он считает самым что ни на есть настоящим. Под неистовым шквалом чувств он теряет голову и ни о чём не жалеет, даже если начинает догадываться, что идёт на верную погибель. Интересно, если бы мужчина знал, что такая любовь – это всего лишь мираж, иллюзия, то стал бы он продолжать свои отношения с прекрасной лисицей-женщиной?

Наверное, стал бы. Любовь – возвышающий обман. И пусть нас обманывают, только бы это было нечто прекрасное и неземное! Впрочем, почему – неземное? Я часто употребляю в речи штампы, особо не задумываясь о их смысле. Проще сказать какую-то банальность, которая понятна всем, чем придумать для обозначения того же самого нечто новое, своё. Так и тут: «нечто неземное»... Ха! Если это происходит на земле, то как раз и является самым что ни на есть земным, просто такое не часто случается.

Не верю сам себе, что у меня есть такая женщина. Алина – чудо! Я боюсь взглянуть то, что у нас происходит. И когда Трамвайщик снова спросил меня: «Ну, как она в постели?», я суеверно сунул руку в карман и показал ему фигу. «Да никак, – равнодушно сказал я. – Баба как баба!»

А она – лисица!

После неё во мне не остаётся ни капельки спермы. Я абсолютно пустой! Такое ощущение, будто из меня, как соломинкой, высосали всё. Стерильно чисто!

Мать сегодня сказала: «Ты какой-то бледный. Нездоровится?» А отец расхохотался: «Наш молчун, наверное, опять влюбился. Сохнет по какой-то девахе. Ну что, Сергей, разве не так?»

Догадливый!

Просто так:

Помнишь, как ты увидела меня, и я даже не знаю, что ты подумала, ты посмотрела на меня и зачем-то закрыла глаза. А до этого я бродил в парке стадиона «Динамо» по ярко-зелёной траве, сочной от ежедневных поливов (хотя делать это было нельзя, везде стояли таблички «По газонам не ходить, штраф – 500 руб.», но у меня таких денег всё равно не было и потому мне было не страшно их терять, а походить по мураве, как это делали герои многих американских фильмов, очень хотелось: им почему-то можно, а мне – нельзя? Но один-единственный раз не считается, разве нет?). Я смотрел по сторонам и видел тигриц, лисиц, гусынь, волчиц, куриц, кошек... Среди них, особенно в гусиных стайках, были довольно симпатичные особи, может быть, потому что – молодые, свеженькие, смешливые и не такие унылые, как курицы, которые постоянно озирались, чего-то пугались, квохтали, но, впрочем, одна цыпушка тоже была хорошенькая: рябенькая, аккуратненькая, чистенькая. Я смотрел на них, они смотрели на меня, а одна тигрица даже специально остано-

вилась, чтобы взглядеться в меня получше. Пришлось сделать вид, что я не тигр, а всего-навсего котик, к тому же очень-очень домашний. И тигрица, презрительно фыркнув, прошествовала мимо. А ты остановилась. Ты не была ни тигрицей, ни курицей, ни лисицей, ни гусыней – ты была девушкой. И ты, посмотрев на меня, закрыла глаза.

Я сошёл с газона и взял твою руку, ты попробовала освободить её, но я сжал свою ладонь крепче и почувствовал, что твои пальцы слабеют... Твоя рука – теплая, приятно пахнет свежей зеленью, лимоном и солнцем. Тебе, наверное, было интересно, куда я тебя веду. Но ты не открывала глаз... А я и сам не знал, куда иду – просто шёл и шёл, легонько прикасаясь плечом к твоему плечу, и ты тоже прикасалась ко мне. А потом ты споткнулась, оступилась и, повернувшись лицом ко мне, открыла глаза и...

И, конечно, я тут же проснулся и обнаружил: мы гуляем по мокрому асфальту, моросит мелкий дождь, к плащу липнут листья вяза, навстречу идут люди, а весь этот зверинец из лисиц, тигриц и прочей живности куда-то исчез. Но ты сказала, что всё ещё только начинается, и я понял, что спал, но больше не хочу закрывать глаза. Хотя, впрочем, иногда стоит смежить веки и...

Странно. Антон Лапенков сказал, чтобы я ничего не выдумывал: девушка, похожая на Алину, в его доме не живёт.

«Впрочем, – добавил он, – есть вариант. По описанию одна блядёжка похожа на твою девчонку. Она из крутой фирмы, якобы эскортные услуги оказывает, но один фиг – всё равно за деньги трахается. Явно не твоя Алина...»

Алина провела мизинцем по моим бровям:

– Они у тебя врзлёт, – сообщила она и тихонько засмеялась. Будто её колокольчик зазвенел. Тот самый, который так и остался у меня. Она мне его подарила.

– Из тебя можно сделать настоящего мачо, – Алина подмигнула мне. – Имею в виду: внешне. В постели-то ты и так мачо, не волнуйся...

Она провела указательным пальцем по моей небритой щеке, губам и шее:

– Хорош, ничего не скажешь! Прикасаюсь к тебе и, мне даже стыдно в этом признаться, снова хочу тебя.

– Давай...

Она, улыбнувшись, стремительно провела указательным пальцем от шеи вниз живота и, внезапно остановившись, шепнула:

– Я не кажусь тебе слишком вульгарной?

– Нет, что ты! Разве может быть вульгарной девушка, читающая «Листья травы»?

– Может, – серьёзно ответила она. – Очень даже может! Ты даже не представляешь, до какой степени может.

– Не верю!

– Хочешь – верь, хочешь – нет, – она притворно зевнула. – Мне скучно объяснять тебе в который раз, что женщины всегда стремятся выглядеть намного лучше, чем есть на самом деле.

– Ну и пусть, – я приобнял ее за плечи. – Должен же хоть кто-нибудь из двоих стремиться к лучшему...

– А ну тебя! – Алина пожала плечами. – Тебя не переспоришь...

Она замолчала и принялась сосредоточенно водить пальцем по моему торсу, приговаривая:

– Узкие бёдра, приличный член, воон он какой у тебя! А почему ты носишь узкий ремень? Тебе пошел бы широкий с квадратной массивной пряжкой. Очень хорошо смотрелось бы: мужественный торс, характерная выпуклость – там, где гениталии...

– И что?

– А то, что ты пользовался бы еще большим успехом у женщин.

– Мне это не надо. У меня есть ты.

– А мне надо. Хочу, чтобы другие завидовали мне!

– Ага, – я с торжествующим криком сгреб её и подмял под себя. – Вероломная! Вот и открылся твой секрет: ты стараешься для себя, а не для меня! Эгоистка!

Она понарошку сопротивлялась, отбивалась от меня и так же понарошку как-то вдруг обмякла, подчиняясь моим дви-

жениям.

– Нет, ты будешь не мачо, ты станешь Натаниэлем Хауком из игры «Пираты Карибского моря», – восторженно шепнула она, когда я вошёл в неё и, чуть помедлив, резко вместились полностью. – Тебе пошла бы аккуратная причёска, выглаженная рубашка из шёлка, замшевые брюки, о которые можно вытирать ладони, вспотевшие в схватке с неприятелем. И обязательно – жилетка: она защитит белоснежную рубашку от крови, грязи и песка, по которому ты обязательно покатаешься в драке с кровожадными пиратами. О, как бы я хотела, ударенная молнией взгляда Натаниэля Хаука, осесть на землю и припасть к его высоким, до колена, свободным сапогам из мягкой кожи, обхватить их одной рукой, а другой...

– Фантазёрка! – сказал я, чтобы хоть что-то сказать. На самом деле, я не люблю объясняться, когда занимаюсь сексом. Но Алина просто обожала говорить в постели, мне даже казалось: слова, изреченные ею, – это всего лишь прелюдия к оргазму.

– Корсар! – сказала Алина. – Мечта, а не мужчина!

– Так мечта или мужчина?

– Поправка, – она глубоко вздохнула и глянула на меня широко раскрытыми глазами. – Мужчина-мечта!

– А сейчас – не мечта?

– Глупый, – она положила мне на ягодицы холодные ладони (странно: почему у неё пальцы всегда прохладные?). – А я – болтуня. Не злись. Мне хочется говорить, говорить,

говорить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.